

Юрий ПОКЛАД

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Вера Николаевна Елисеева, семидесяти восьми лет, жила на втором этаже, Зинаида Петровна Снегирёва, примерно ее ровесница, — на первом, они гуляли по скверу неподалеку от дома почти каждый день. Когда Вера Николаевна была готова к прогулке, она стучала по батарее небольшой гирькой, которую покойный муж Аврелий Николаевич клал когда-то на документы, чтобы они не разлетались со стола от сквозняка. Условный стук: три раза подряд, потом еще два, перепутать было невозможно. Минут через десять Зинаида Петровна уже ждала возле подъезда.

Женщины не очень хорошо относились друг к другу. Вера Николаевна считала Зинаиду Петровну туповатой и завистливой, Зинаида Петровна Веру Николаевну — заносчивой и высокомерной. Зинаида Петровна пользовалась губной помадой и средствами макияжа, Вера Николаевна считала, что в их возрасте это недопустимо. Но любое общение в старости лучше одиночества, и они прогуливались вместе по аллеям, разговаривая о разных мелочах, но чаще молча.

Они многое знали друг о друге, поэтому подробности прошедшей жизни старались не обсуждать.

Привычки у них, в соответствии с прошедшей жизнью, сложились разные: Вера Николаевна много лет проработала в библиотеке и любила читать книги, Зинаида Петровна трудилась завскладом на крупном заводе, книг почти не читала, говорила, что от них болят глаза. Не исключено, что эта странная дружба так и продолжалась бы, если б не кот Барсик, который жил у Веры Николаевны с тех времен, когда Аврелий Николаевич был еще жив.

Кот Барсик, серой масти с огромными огненно-желтыми глазами, ненавидел всех, кто приходил к Вере Николаевне, да и хозяйку терпел с трудом; он обладал большим умом, но это не делало его добрее, скорее, наоборот, ожесточало. Был подозрителен и неласков, никогда не давал себя погладить, вырывался из рук молча и яростно; не царапался, но было ясно, что лучше его отпустить и не мучить ласками.

Вера Николаевна любила кота, несмотря на его отвратительный нрав, он был частью ее семьи, третьим после мужа и сына Виталия, она

старалась мириться со сложным характером Барсика, говорила с ним ласково, словно с непослушным ребенком.

Снегирёву Барсик ненавидел больше, чем других людей, чувствуя ложность и фальшь ее поведения.

У Зинаиды Петровны когда-то был муж — грозный и властный Петр Никодимович, имевший среди знакомых и друзей прозвище Крокодилевич. К жене он был строг и требователен, иногда сверх меры, по молодости лет случались даже рукоприкладства.

Зинаида Петровна приспособилась жить так, как ей удобно. Зарплата у нее была небольшая, муж выделял деньги на семью скупно, у него образовалась своя жизнь: приятели, выпивка, карты, возможно, и женщины. Зинаиду Петровну этот вопрос сначала волновал, потом перестал. Главное, ради чего она жила и чего с нетерпением ждала каждый год, — отпуск в санатории, путевку в который она неизменно добывала в профкоме через хорошую знакомую, которой приносила нехитрые подарки.

Она сложила о себе мнение как об очень больном человеке, которому постоянно необходима медицинская помощь. На лице у Зинаиды Петровны сформировалось выражение непрерывного страдания, которое требовало от окружающих сочувствия.

На самом деле она была больна ничуть не больше, чем любая женщина средних лет, молва о болезненности нужна была для того, чтобы никто не возмущался по поводу ежегодных санаториев.

К лечению там она готовилась тщательно: шила новые платья, запасалась косметикой, договаривалась с матерью, чтобы та забрала дочь Надю к себе в деревню на месяц. Петру Никодимовичу эти поездки не нравились, он не то чтобы чересчур ревновал жену, но отлично видел двойную бухгалтерию ее страданий.

Прибыв в санаторий, Зинаида Петровна преображалась, из вялой, утомленной работой и хроническим недомоганием женщины превращалась в энергичную, выглядевшую намного моложе своих лет привлекательную даму.

На мужчин у нее был глаз острый, она никогда не ошибалась с выбором. В первые несколько дней, на танцплощадке, стоя в стороне, оценивала контингент. Она точно знала, кто ей нужен. Избранник должен быть незатейлив по характеру, приятной внешности, семейный, при деньгах. Особенным вниманием пользовались шахтеры и нефтяники. Она танцевала с ними, а танцевать она умела прекрасно, выпрашивала обо всем, оценивая кандидата.

После первой ночи любви обвиняла избранника в коварстве, в том, как умело он ее соблазнил, иногда даже плакала.

Мужчина проникался огромной виной и весь последующий месяц неудержимо тратил на Зинаиду Петровну деньги. Тут и рестораны, и увлекательные поездки по живописным окрестностям, и дорогие подарки. Месяц проходил быстро и увлекательно, под конец его Зинаида Петровна заявляла, что о продолжении романа речи идти не может. Мужчины, как правило, на этом и не настаивали.

Потом была война, Снегирёва эвакуировалась вместе с заводом в Ташкент, времена наступили тяжёлые, вспоминать о них Зинаида Петровна не любила. Муж погиб на фронте, дочь вышла замуж и уехала, приятные воспоминания остались лишь о довоенной жизни, о тех санаториях со щедрыми поклонниками. Зинаида Петровна рассказывала о них Вере Николаевне, надеясь, что та позавидует, но Вера Николаевна демонстрировала лишь равнодушную брезгливость.

Неприязнь Барсика к Зинаиде Петровне вылилась в то, что он стал справлять малую нужду на половичок перед дверью ее квартиры. Иногда делал это демонстративно, не скрываясь. Кончилось тем, что половичок был принесен и брошен под ноги Вере Николаевне со словами:

— Натё вот, стирайте за своим.

Многолетняя дружба прекратилась, женщины стали гулять в сквере поодиночке, стараясь не встречаться. Барсик вскоре умер. Стук гирькой в батарею замолк до той ночи, когда Вера Николаевна проснулась оттого, что прострелило вдруг сверху вниз всю правую часть тела. Боль была столь неожиданной и резкой, что она вскрикнула. Попыталась шевелить правой рукой, но рука не повиновалась. Вера Николаевна знала, что такое insult, однако не могла представить, что он может случиться с ней.

Она не имела склонности к панике, поэтому ситуацию оценила здраво: телефон находится в прихожей, туда не дойти, поэтому позвонить сыну Виталию или внуку Георгию невозможно. Она спокойно относилась к тому, что когда-нибудь умрет, но не ожидала, что это произойдет так скоро и так неожиданно, надеялась еще на несколько лет.

Гирька Аврелия Николаевича так и лежала на подоконнике с тех пор, как совместные прогулки прекратились. Вера Николаевна понимала, что теперь этот стук будет выглядеть малодушием, но другого выхода не оставалось. С трудом дотянувшись левой рукой, она взяла гирьку и ударила в батарею три раза подряд, потом, через паузу, еще два раза. Звук звонко разнесся по спящему дому, Зинаида Петровна страдала бессонницей и не могла его не услышать.

2.

Сын Виталий редко навещал Веру Николаевну, а когда появлялся, все время куда-то спешил, часто взглядывая на часы. Его жена, Варвара Михайловна, бывала один раз в год, на день рождения, но Вера Николаевна не возражала, если б она не появлялась совсем. Варвара Михайловна — добропорядочная, умная женщина, Вера Николаевна не сомневалась, что, когда придет время, она не бросит ее умирать на руках ничего не умеющего сына, но ухаживать за ней будет человек, который давно и убежденно ее не любит. Взаимная неприязнь сложилась сразу же, как только Вера Николаевна увидела избранницу Виталия, ее властное, красивое лицо, и поняла, что с этой женщиной сын счастлив не будет. Варвара Михайловна сначала старалась казаться приветливой, но обмануть Веру Николаевну было трудно, невестка поняла это, и обоюдная ненависть стала явной.

Чаще всего приезжал внук Георгий, Вера Николаевна видела, что он делает это не по принуждению, не по просьбе отца, ему действительно интересно бывать у нее. Вере Николаевне казалось, что его могут заинтересовать подробности ее жизни с Аврелием Николаевичем, и она рассказывала, как впервые увидела молодого подпоручика зимой, в парке, на катке, потом — на балу в дворянском собрании, где их и познакомили. Дальше были записки, передаваемые через знакомых, трогательные по содержанию, свидания в парке, осторожные улыбки и все более открытые разговоры.

Аврелий Николаевич окончил в Санкт-Петербурге Михайловское артиллерийской училище и был направлен по месту дислокации артиллерийской бригады, сюда, в сибирский город, столицу губернии. Для Елисева, человека замкнутого, знакомство с Верой Николаевной было большой удачей, он чувствовал себя одиноким в большом, неприветливом городе, вдали от матери и сестер.

С каждой встречей взаимный интерес возрастал, Аврелий Николаевич рассказал о том, как был на родине в последний раз, когда ему был разрешен отпуск, как он приехал в приволжский город, где прошло его детство, и в новеньком офицерском мундире шагал от железнодорожного вокзала по Алексеевской улице, к дому, где его ждали родные.

Первой его увидела в распахнувшейся двери сестра Ольга, она бросилась ему на шею с радостным криком. Мама, Анастасия Викентьевна, нежно обняла его и прижала к груди.

— Как жаль, что тебя не видит отец! — с горечью сказала она.

Отец служил начальником почтово-телеграфной конторы и умер семь лет назад, когда Аврелий был кадетом. Отцу, знатоку истории Древнего Рима, он и обязан своим причудливым именем.

Следующим утром пошли на кладбище, где покоился Николай Григорьевич. Владимирская церковь напротив ворот кладбища была, как и прежде, приземистой и родной, вокруг нее — поле ослепительно-белых ромашек.

Перекрестившись, Аврелий поцеловал крест на могиле отца. Он чувствовал, что не скоро побывает здесь вновь, так оно и вышло. Он много раз потом намеревался посетить могилу, но, когда, через десять лет, собрался окончательно, узнал, что кладбище решением городских властей уничтожено, все могилы сровняли с землей и на этом месте разбили парк.

Встречи Веры и Аврелия становились все чаще, дело шло к свадьбе, как вдруг все обрушилось. Германия объявила России войну, бригада подпоручика Елисева оказалась на фронте. Аврелий Николаевич исполнял обязанности младшего офицера 3-й батареи, командиром 1-й батареи был его друг и однокашник по Михайловскому училищу Сергей Энгерт, командиром 2-й — поручик Некрашевич, отважный, но молчаливый человек.

Вера теперь жила письмами Аврелия — из-под Перемышля, из-под Черновиц, из-под Домбровы и Люблина. Письма он отправлял каждый раз, как только представлялся удобный момент.

В декабре 1914 года Елисееву присвоили звание поручика, и он был назначен командиром батареи. Бригада, в которой он воевал, отличилась в Ченстоховско-Краковской операции.

Все эти события подробно отражались в письмах Вере Николаевне, которую поручик Елисеев в разговорах с однополчанами называл своей невестой.

В январе 1915 года Аврелий Николаевич участвовал в Карпатской операции, за проявленную храбрость в боях был награжден орденом Святого Станислава II степени с мечами.

Война набирала ход, становилась все более жестокой. В начале мая 1915 года при обороне позиций под Домбровой Елисеев был контужен, в тяжелом состоянии попал в госпиталь, где пробыл полтора месяца. После выздоровления получил отпуск и отбыл в Сибирь, к Вере Николаевне.

Провести помолвку по всем правилам было невозможно. По традиции требовалось послать сватов в дом невесты, чтобы познакомиться с ее родителями и обсудить подробности предстоящего мероприятия, — это называлось сговор. Но у Аврелия не было ни близких друзей, ни знакомых, ни родителей. В декабре 1914 года Анастасия Викентьевна и сестра Нина, приехав навестить Ольгу, вышедшую в Петрограде замуж, заболели тифом и сгорели за неделю. Попасть на похороны Аврелию не удалось.

Что касается Веры, то и здесь не обошлось без проблем. Она имела фамилию Поречнева, но на самом деле родным отцом — как ее, так и старшей сестры Людмилы — был Николай Степанович Иванцов. Их мама, Евдокия Григорьевна, венчалась с Николаем Ильичом Поречневым, но смогла прожить с ним лишь год, поскольку Николай Ильич страдал запоями, во время которых становился страшен. Строить семью с этим человеком возможным не представлялось, и Евдокия Григорьевна сошлась с соседом по дому — Иванцовым, осужденным в Киеве за банковские махинации и высланным в Сибирь. Впоследствии его оправдали, судимость сняли, но вернуться в Киев он не захотел, поскольку жил с Евдокией Григорьевной как с женой и имел от нее двух дочерей. Когда Евдокия Григорьевна обратилась к Поречневу с просьбой дать развод, тот категорически отказал, обозвав ее нецензурным словом, позорным для порядочной женщины.

Молодых благословили на совместную счастливую жизнь без лишней торжественности. Они на ней и не настаивали. Вера и Аврелий были не прочь сразу же и обвенчаться, но Евдокия Григорьевна этому воспротивилась, мотивируя тем, что между помолвкой и венчанием должно пройти не меньше месяца, но главной причиной было то, что Аврелий уедет на фронт, под пули, и вернется или нет, еще неизвестно.

Вера Николаевна выросла в спокойствии и достатке. Николай Степанович работал главным бухгалтером в банке, являлся уважаемым в городе человеком. Он сумел поставить себя так, что факт незаконного сожительства с чужой женой никогда никем не упоминался. Законного мужа Евдокии Григорьевны городская знать молчаливо вычеркнула из памяти, по-человечески поняв бедную женщину — Поречнев во хмелю вполне мог

и убить, — но это все равно не отменяло мучительный груз позора, который лежал на Евдокии Григорьевне.

Вера Николаевна понимала, что ее ждет нелегкая жизнь, была готова к ней, но не представляла, через какие муки предстоит пройти не только ей с Аврелием, но и всем жителям России в предстоящие годы.

Отпуск был достаточно длительным, и они решили поехать в Саратов, к дяде Елисеева, генерал-майору в отставке, потом подняться на пароходе вверх по Волге до родного города Аврелия Николаевича, чтобы побывать на кладбище, где похоронен его отец, закончить же путешествие предполагалось в Санкт-Петербурге, теперь называвшемся Петроградом, чтобы навестить сестру Ольгу и поклониться могилам Анастасии Викентьевны и Нины.

Вера Николаевна все свои восемнадцать лет прожила в Сибири, никуда не выезжая, поэтому предстоящее путешествие очень ее волновало. Кроме того, она никогда не была знакома с генералом.

Дядя Аврелия Николаевича Петр Григорьевич после отставки по болезни жил в Саратове, семьи у него не было, он неважно себя чувствовал и очень просил Аврелия Николаевича его навестить. Звание генерал-майора Петр Григорьевич получил по выходе на пенсию и очень гордился им. Вере Николаевне хорошо запомнился высокий, грузный человек с седыми висящими усами и короткой бородой. Мутноватые глаза его постоянно слезились, и он промокал их комком носового платка. Аврелий Николаевич под большим секретом рассказал Вере Николаевне о вине, которую Петр Григорьевич за собой чувствовал.

Подполковником он участвовал в обороне Порт-Артура, офицеры и солдаты уважали его за грамотность и бесстрашие. Он, как и другие офицеры, считал, что город можно оборонять еще достаточно долго, но генерал-лейтенант Стессель сдал Порт-Артур японцам. Единственная льгота, которой удалось добиться, касалась офицеров: они могли быть отпущены домой.

Государь своей телеграммой разрешил им вернуться в Россию. Но возникли колебания: одни утверждали, что в императорской телеграмме конкретно указано, что офицерам надлежит вернуться, это приказ; другие говорили, что это всего лишь пожелание. Петр Григорьевич воспринял телеграмму как приказ, оставил свой полк в японском плену и уехал, о чем потом горько сожалел, считая, что запятнал этим поступком честь русского офицера.

Саратов Вере не понравился, город был низкорослым и пыльным, даже Волга его не оживляла, они гуляли с Аврелием по набережной, но больше тяготели к немногочисленным скверам, где можно было без опаски целоваться. Вере больше всего поражала эта перемена в ее жизни: то, что раньше казалось неловким и даже стыдным, теперь было приятным и естественным. Она еще не ощущала себя вполне взрослой, но чувствовала, что во взрослости есть много привлекательного.

Аврелий ходил в военной форме — в гимнастерке на манер солдатской, но из дорогого, явно не солдатского, сукна; зеленые, защитного

цвета погоны были пришиты к гимнастерке. В такой форме ходили все фронтовики. Тогда и была сделана в ателье на главной улице города фотография, которую Вера Николаевна через много лет, после долгих колебаний, решила поставить на этажерку.

Вера гордилась, что ее жених награжден орденом Святого Станислава, бордовый крест на его груди сразу же бросался в глаза. На улице на них оглядывались. В Саратове было скучно, и молодые люди с нетерпением дожидались дня, когда сядут на пароход и отправятся вверх по реке. Вере казалось, что в родном городе Аврелия будет интереснее, чем в Саратове, но жених недвусмысленно намекнул, что и там такая же провинциальная глушь.

Для Веры было неожиданно и приятно, что Аврелий, вовсе не похожий характером на романтика, помнил много стихов.

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.
Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.
Неслышный и неторопливый,
Так странно плавлен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое*.

Вере очень хотелось, чтобы это были его собственные стихи, так искренне они звучали, но Аврелий честно признался, что они чужие.

Если говорить о счастье, то Вера примерно так себе его и представляла: любимый ею человек, поцелуи, стихи, — всё как во сне.

Но счастье кончается быстро: накануне отъезда на родину Аврелия пришла срочная телеграмма из бригады: немедленно вернуться на фронт. Без объяснения причин. В военное время причины объяснять не принято. И Вере вдруг открылась страшная правда, о которой она старалась не думать: ее жених скоро будет там, где убивают, он вполне может не вернуться, и она так и останется невестой. Ей показалось необходимым, чтобы между ней и Аврелием произошло то, что должно случиться лишь после свадьбы. Старшая сестра Людмила рассказывала ей об этом шепотом, на ухо, и Вера непроизвольно вздрагивала от осознания неизбежности этого события.

Она поделилась мучившими ее мыслями с Аврелием, но он сказал, что это невозможно, потому что внесет в ее жизнь много сложностей, если его убьют. И она была вынуждена с ним согласиться.

* Стихотворение «Она» Н. С. Гумилева.

Вечером, перед отъездом, Аврелий долго беседовал в кабинете с дядей, дверь была приоткрыта, и Вера отлично слышала их разговор.

— Ты, конечно, догадываешься, что скоро будет революция, — говорил Петр Григорьевич голосом такого тембра и громкости, словно командовал перед строем, — эту войну навязали России и победить в ней она не может, ты сам видишь, каково настроение в войсках. Будет революция, которую совершит чернь — крестьяне и те, кого называют пролетариатом. Нам с тобой в этой стране будет нечего делать, нас уничтожат.

— И какой выход? — спросил Аврелий, его твердый голос дрогнул.

— Либо умереть, либо бежать.

— Бежать? Куда?

— Куда-нибудь. В Европу.

— Но мы там никому не нужны.

— Несомненно. Но это сохранит нам жизнь. В том, что меня, генерала, пролетариат расстреляет, я ничуть не сомневаюсь. Эти люди ненавидят нас даже не за то, что мы богаты, нас ненавидят за то, что мы умнее, лучше их, что мы вообще существуем. Лихое время не за горами, будь готов принять решение, надеюсь, что оно не окажется запоздалым.

Поезд в Сибирь, которым уезжала Вера, отправлялся рано утром, Аврелий и Петр Григорьевич провожали ее на вокзале. Вера стеснялась плакать, хотя очень хотелось. Она надеялась вновь увидеть Аврелия через год, в крайнем случае через два, но они встретились через пять лет другими людьми, в другой стране, хотя эта страна и называлась по-прежнему Россией. Они встретились, когда иссякло последнее терпение и томительная горечь безнадежности окончательно отравила душу.

Рассказывая внуку свою жизнь, Вера Николаевна чувствовала, что история звучит вполне заурядно, ничего выдающегося не произошло, все это давно и более интересно описано в художественной литературе. Было обидно, но приукрашивать не хотелось.

3.

В июне 1915 года бригада Елисеева приняла участие в Таневском сражении. Танев — правый приток реки Сан, пограничная река России.

«“Снарядный голод” лишил русскую артиллерию возможности на равных бороться с артиллерией противника и был главной причиной нашего отступления», — писал невесте Аврелий, еще он упомянул о том, что был вновь контужен, но легко и остался в строю, и о том, что погиб Сергей Энгерт.

Сергей был из родовитой санкт-петербургской знати, барон, интеллект, но держался всегда подчеркнуто просто и дружелюбно, и этим понравился Аврелию. Они подружились. Когда началась война, Сергей попросил перевести его в бригаду, где служил Елисеев. Благодаря Энгерту Аврелий полюбил стихи. На фронте они командовали соседними батареями, часто встречались, рассуждали о том, как сложится их жизнь после войны. Для Энгерта война закончилась 12 августа 1915 года, когда германская артиллерия накрыла его батарею прямым попаданием.

Аврелий застал Сергея в госпитале еще живым, но надежд уже не оставалось. Друг лежал, закрытый простыней до подбородка, высокий лоб его был бледен. Узнав Аврелия, Сергей с трудом приподнял правую руку и сделал указательным пальцем скупое движение крест-накрест.

Когда Аврелий пришел в госпиталь следующим утром, ему сообщили, что барон Энгерт ночью скончался, и передали его вещи, завернутые в серую холстину: причудливо изогнутую трубку, мешочек с ароматным табаком, часы, немного денег и золотой портсигар. Аврелий удивился портсигару, Сергей никогда не показывал его. Там оказалось несколько старинных монет. Энгерт, видимо, увлекался нумизматикой и наиболее ценные экземпляры взял с собой на фронт. Аврелий сунул портсигар в полевую сумку и надолго забыл о нем.

В боях при Вильколазе батарея поручика Елисеева отличилась точным огнем, и Аврелий Николаевич был награжден орденом Святой Анны II степени с мечами.

Аврелий Николаевич привык к войне и нигде, кроме нее, уже не мог себя представить.

Вера Николаевна жила далеко от войны и ощущала ее только по письмам Аврелия Николаевича. Она жила этими письмами, все остальное было скучно, неинтересно, ненужно. Евдокия Григорьевна была не слишком довольна тем, что младшая дочь может оказаться замужем раньше, чем старшая, это считалось дурной приметой: она как бы отбирала таким образом счастье у старшей сестры, следовало дожидаться, пока та выйдет замуж. Но разве Вера виновата в том, что Людмила отказала уже четверым? Она полюбила мужчину, который был намного старше ее годами и занимал видную должность товарища прокурора. Невозможно понять этот выбор: человеку за сорок, он лысоват, с отечным лицом, с шеей как у индюка, он взяточник, картежник и пьяница. Судя по безнадежному выражению на лице матери, Вера догадывалась, что самое страшное уже произошло: Людмила стала любовницей женатого человека, теперь можно с большой гарантией предполагать, что когда товарищ прокурора ее бросит, а бросит, судя по его безответственному поведению, обязательно, в родном городе в жены ее никто не возьмет.

К подругам, с которыми окончила гимназию, Вера ходила редко, разговаривать было не о чем, а жаловаться на однообразие жизни не имело смысла: так жили все. Она все больше замыкалась в себе, тем желаннее было каждое новое письмо Аврелия. Вера перечитывала его письма десятки раз, стараясь проникнуться его заботами, трудными военными буднями, и не могла избавиться от напряженного ожидания беды; 1916 год тянулся мучительно долго.

Высочайшим приказом по военному ведомству от 30 сентября 1916 года за отличную службу поручик Елисеев был произведен в штабс-капитаны. Командир бригады лично вручил ему погоны.

Вера получила письмо в конце октября, очень обрадовалась и хотела показать его матери, но вовремя сдержала себя. На Евдокию Григорьевну свалилось новое несчастье: она поскользнулась на обледенелой булыжной

мостовой и сломала ногу. Наложили гипс, нога прела под ним, болела и краснела, Евдокии Григорьевне было не до радостей дочери по поводу повышения в звании ее жениха.

Вера взяла за правило внимательно читать в газетах сводки с фронта. Армия, в состав которой входила бригада Аврелия, находилась на левом фланге Западного фронта, занимая рубеж обороны от реки Березина до реки Припять. Шли упорные бои, армия несла большие потери.

Невзгоды преследовали Поречневых-Иванцовых: Людмила забеременела, еще один позор лег на семью. Город был полон злорадными сплетнями. Нога беспокоила Евдокию Григорьевну все сильнее, появилось подозрение на гангрену, в декабре положение стало критическим, ногу ампутировали до колена.

Аврелий Николаевич написал, что в войсках появилась необходимость открыть специальные учебные заведения для обучения взаимодействию артиллеристов и авиаторов. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев распорядился подготовить для этой цели офицерский состав. В начале мая 1917 года Елисева и Некрашевича направили на обучение. С Константином Некрашевичем у Аврелия Николаевича сложились доверительные, приятельные отношения.

Вера Николаевна немного перевела дух: Аврелий в безопасном месте. Теперь он писал о том, как овладевает отработкой целеуказаний авиаторов, радиотелефоном и радиотелеграфом, а также передачей сигналов цветными полотнищами и ракетами. Продолжительность курса школы для командиров дивизионов и батарей составляла четыре недели.

Месяц без войны, и опять фронт.

В июне 1917 года бригада штабс-капитана Елисева участвовала в нанесении вспомогательного удара по Вильно. После артподготовки пехота пошла в наступление, но, встретив ожесточенное сопротивление противника, с большими потерями вернулась на исходные позиции. Неудачное наступление и неустойчивая политическая обстановка в стране негативно повлияли на бойцов, участились случаи дезертирства, солдаты отказывались идти в атаку; Аврелий Николаевич понимал, что с таким настроением войну не выиграть.

В конце октября 1917 года, после известных событий в Петрограде, был принят большевистский «Декрет о мире», солдаты толпами повалили с фронта по домам, началось бегство офицеров, не согласных с новой властью. Случались самоубийства. Разбежались караулы, назначаемые на охрану складов, имущество расхищалось. Аврелий Николаевич прикладывал большие усилия для того, чтобы его батарея не потеряла боеспособности.

В начале декабря 1917 года было подписано перемирие, но 18 февраля 1918 года, как только срок перемирия истек, германские войска по всему фронту перешли в наступление. Сопротивление русских частей было сломлено. Взяв Сморгонь, немцы двинулись на Минск.

Письма от Аврелия Николаевича приходиться перестали, этим горем Вере поделиться было не с кем: Людмила рыдала в своей комнате, готовясь рожать, Евдокия Григорьевна грозно громыхла костылями

в страшной обиде на жизнь, Николай Степанович старался меньше бывать дома; если б он куда-то уехал, домашние не обратили бы на это внимания.

В конце февраля штаб бригады, в которой числился штабс-капитан Елисеев, был расформирован, личный состав распущен.

То, что произошло с Аврелием Николаевичем дальше, он рассказал Вере Николаевне значительно позже, писем больше не писал, дойти до адресата в этой чудовищной круговерти они не могли.

Штабс-капитану Елисееву поступило предложение: «Если хотите защитить Россию и остаться верным присяге, вступайте в Добровольческую армию». Поколебавшись, он согласился.

В Добровольческой армии чинопроизводство носило случайный характер, поэтому, когда Елисеев приказом главнокомандующего Деникина стал капитаном, то не слишком обрадовался, понимая, что капитан он не настоящий.

Аврелий Николаевич получил назначение в Темрюк, преподавателем в артиллерийскую школу. Воевать Елисееву больше не хотелось, он чувствовал отвращение к бессмысленному смертоубийству, но и преподавание в школе быстро наскучило, не оставляла мысль о том, как попасть в Сибирь, к Вере.

В ноябре 1919 года капитан Елисеев был направлен в Херсон для практического обучения учащихся школы, но в январе 1920-го пришлось срочно эвакуироваться в Крым, спасаясь от наступавшей конницы красных. Аврелий Николаевич оказался в неудобной, насквозь продутой холодными северо-восточными ветрами Феодосии.

Ему настойчиво предлагали принять участие в боевых действиях: опытному офицеру-артиллеристу, прошедшему битвы Первой мировой войны, место на передовой. Аврелий Николаевич уклонялся от этих предложений не только потому, что не хотел воевать, но и по причине обострившейся болезни: две контузии, особенно первая, не прошли бесследно. Он страдал сильными головными болями, мог на несколько минут терять сознание, иногда нарушались зрение и слух. Едва ли в таком состоянии он смог, даже если б захотел, столь же успешно, как прежде, командовать артиллерийской батареей. Знакомый доктор сказал, что не исключена и частичная потеря памяти; этого Аврелий Николаевич боялся больше всего, он представлял, как, добравшись до Сибири, увидит Веру, но не сможет узнать ее.

Было ясно, что Крым, несмотря на уверения барона Врангеля, не продержится долго, и дело тут не в том, что не хватает вооружения или войск, главная причина в обреченном настроении личного состава, в том числе офицеров.

4.

В Феодосии он два раза лежал в госпитале, просился туда сам, надеясь, что врачи не позволят развиться болезням, вызванным контузиями, но у врачей было достаточно других забот, им было некогда вникать

в проблемы здоровья назойливого капитана-артиллериста. В госпитале было еще одно важное преимущество: там хорошо и регулярно кормили.

В Феодосии случилось то, о чем Аврелий Николаевич смог рассказать Вере Николаевне, лишь когда они состарились настолько, что вспоминать без опаски стало возможным о чем угодно. Но и тогда слушать эту историю Вере Николаевне было мучительно.

В госпитале Елисеев познакомился с девушкой Сашей, медсестрой. Это знакомство преобразило его жизнь.

С давних времен Феодосия делилась на несколько районов с причудливыми названиями: Форштадт, Бакурба, Карантин, Чумка. Город имел свое лицо и был бы интересен Аврелию, если бы не гнетущая тоска, которая его преследовала. Он поднимался на Карантин, откуда можно было любоваться морем, но его красота не поднимала настроения, он чувствовал себя в капкане, вырваться из которого невозможно. Единственного близкого друга, Сергея Энгерта, убили на фронте, других друзей у него не было, он трудно сходилась с людьми.

Когда головные боли становились нестерпимыми, Саша колола ему морфин, предупредив, что часто этого делать нельзя. Но после укола вместе с головной болью исчезало чувство безысходности. Иногда, обманывая Сашу, он просил уколоть ему морфин, когда голова не болела.

Саша, смуглая, черноволосая, черноглазая, веселая, — настоящее дитя Крыма, сколько национальностей перемешано в ее крови, представить трудно. Саша любила стихи и сама писала их. Аврелий тоже любил стихи, но писать не пытался, искренне восхищаясь теми, кто умеет таким образом выражать свои чувства.

Саша пригласила Аврелия в «Кафе поэтов», в небольшой подвальчик на углу улиц Земской и Новой. Небольшое помещение с низким потолком было заполнено возбужденными людьми, многие курили, табачный дым висел слоями. Не стесняясь друг друга, нюхали кокаин, вдыхая его через ноздри с краев трубчатых зубочисток.

С небольшой низкой сцены непрерывно читали стихи, поэты и поэтессы нетерпеливо ждали своей очереди. Аврелий плохо слышал и с трудом понимал смысл стихотворений, но сама атмосфера «Кафе поэтов» ему очень нравилась.

Он познакомился с интересным человеком — Александром Александровичем Новинским, начальником Феодосийского торгового порта, — лысоватым, маленького роста, с небольшой черной бородкой, в белоснежном форменном кителе. Говорил Новинский много и торопливо, словно опасаясь, что перебьют, касался очень любопытных вещей, Аврелий заслушался.

— Здесь слишком шумно для стихов, пойдемте ко мне, — предложил Новинский Аврелию и Саше, — тут недалеко. Должен прийти Осип. Он произнес это имя с подчеркнутым уважением.

Оказалось, что Александр Александрович приглашает в свой рабочий кабинет. Управление Феодосийского торгового порта располагалось на улице Итальянской под раскидистыми «екатерининскими» липами.

По белым мраморным ступеням поднялись в полутьме на второй этаж, Новинский открыл тяжелую дверь, включил свет. Сахарно-белые лампы осветили обширный стол с царственным креслом, карту Крыма, таблицы морских глубин и течений на стенах, внушительных размеров барометр в полированном футляре.

Вскоре пришел Осип — худощавый молодой человек с узким, носатым лицом и хохолком редющего чуба на высоком лбу.

— Это гениальный поэт, — шепнул Новинский Аврелию, — когда ему не хочется подниматься на Карантин, где он снимает комнату, я даю ему ключ от кабинета и он ночует здесь.

Новинский достал из шкафа фрукты на блюде, фужеры, две бутылки вина.

— Немного красного вина, — подмигнул он Осипу, тот кивнул и понимающе улыбнулся уголками тонких губ.

Позднее Аврелий узнал от Саши, что у Осипа есть строки: «Немного красного вина, немного солнечного мая — и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна».

Осипу понравилось имя Елисеева, он ничуть не удивился его наличию у вполне русского по внешности человека, это невольно расположило Аврелия к поэту.

— Что вы прочтете сегодня? — спросил Новинский Осипа.

— Нового ничего нет, — пожал тот худыми плечами, — ну, давайте вот это.

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волю, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских;
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Читал он, высоко подняв острый подбородок, полузакрыв глаза, Аврелия взволновала чарующая музыка не вполне понятного ему по содержанию стиха, она была созвучна его настроению.

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит,
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сениях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?*

* Стихотворение Tristia O. Э. Мандельштама.

Новинский глядел на молодого человека с восхищением, ловил каждое его слово.

Позднее Саша разъяснила Аврелию, о чем идет речь в этом стихотворении:

— Название *Tristia* означает «печаль». Поэту Овидию император Октавиан Август приказал навсегда удалиться из Рима, посчитав его стихи о любви непристойными. Овидий прощается с женой, которую видит последний раз в жизни. Он должен покинуть Рим до рассвета. Ему следовало отказаться от своих стихов, но он не стал этого делать.

— А что значит: «последний час вигилий городских»?

— Это время последнего ночного караула в городе перед рассветом.

Аврелий Николаевич старался не думать о том, что его взаимоотношения с Сашей могут продвинуться намного дальше любви к поэзии. Саша была не просто красивой — обольстительной девушкой, неистребимый южный темперамент проявлялся во всем, и Аврелий не раз ловил ее недоуменные взгляды: как же так, три месяца знакомы и ни разу не поцеловались. Он не скрывал, что у него есть невеста и он с ней помолвлен, но это известие не произвело на Сашу особого впечатления: невеста, какая б хорошая ни была, — далеко, а она, Саша, — рядом.

Кроме того, Аврелий уже не мог без морфина, Саша постоянно носила в сумочке шприцы и ампулы, трудно было представить, как ей удавалось доставать это строгого учета лекарство в госпитале. Она знала, насколько опасно пристрастие к морфину, но Аврелий становился требовательным до грубости, когда ему требовался укол, и она молча исполняла его желание.

В конце августа произошло то, чего Аврелий так опасался. Душной ночью он провожал Сашу после посещения «Клуба поэтов» к ее небольшому домику на Фюрштадте, где она жила вместе с мамой. Аврелий не знал, что в комнату Саши есть отдельный вход, и, когда она предложила войти, растерялся.

Зажигать свет Саша не стала, комната скупо освещалась тусклыми, золотистыми отблесками с улицы. Он отвлекся, пытаясь разглядеть скромное убранство комнаты: шкаф, кровать, стулья, картины на стенах, — и, когда Саша подошла к нему, невольно вздрогнул от неожиданности. Она рассмеялась и обняла его. Аврелий тоже обнял Сашу и понял, что она без платья.

— Чему ты так радуешься? — спросил он охрипшим вдруг голосом.

— Не каждой девушке удастся стать женщиной с любимым ею человеком, — ответила она, — не всем так везет.

В начале октября Аврелий встретил на набережной Петра Григорьевича. Дядя шел в распахнутой шинели, заложив руки за спину, в походке и во всем его облике чувствовалось нечто обреченное. Он не удивился, увидев Аврелия:

— Хорошо, что я поехал в Феодосию, а не в Севастополь, — сказал Петр Григорьевич, — словно знал, что ты здесь. Вдвоем будет не так гадко на чужбине. Я надеюсь, ты принял решение? В Константинополь на днях должны идти пароходы «Петр Регир» и «Аскольд».

Аврелий промолчал, и это не понравилось дяде.

— Хочешь добираться к Вере? Что ж, это твое право, каждый волен сам распоряжаться своей жизнью, только не удивляйся, если тебя расстреляют. Тут есть человек, который делает документы, надеюсь, что с ними ты доберешься до Сибири, хотя никто сейчас не может ничего гарантировать.

Аврелий никуда не хотел ехать, он собирался остаться в Феодосии по причинам, о которых невозможно было сказать Петру Григорьевичу, но, когда дядя пообещал сделать документы, понял: это судьба, нужно ехать к Вере, он никогда не простит себе, если бросит женщину, которая ждет его все эти пять страшных лет. В том, что Вера ждет, он не сомневался.

— Сделайте мне документы, Петр Григорьевич, — попросил он, — я буду очень вам благодарен.

Дядя огорченно вздохнул, поняв, что бедовать на чужбине придется одному. Он посоветовал:

— Ты прикинься больным, так меньше придираются будут. Или глухонемым, что ли.

— Я действительно болен, — признался Аврелий, — последствие контузий. Бессонница, сильные головные боли, плохо слышу.

Он хотел добавить про морфин, но решил, что не стоит.

— Красные вот-вот захватят Крым, — сказал дядя, — уходи через Керчь, там наймешь лодку, чтобы пересечь пролив. Если повезет, не убьют. Сейчас сначала стреляют, потом разбираются.

Через несколько дней Елисеев встретил возле недавно отстроенной дачи табачного фабриканта Стамболи Константина Ивановича Некрашевича. В Добровольческой армии бывший командир 2-й батареи успел дослужиться до полковника. Некрашевич почти не изменился с 1917 года, когда они с Елисеевым вместе обучались взаимодействию артиллеристов и авиаторов, только в черных усах появилась соль седины.

Когда Елисеев подошел, Константин Иванович стоял, задрал голову, критически осматривая сооружение табачного фабриканта:

— Это удивительно, Аврелий Николаевич, — сказал он, увидев Елисеева, — как можно додуматься до того, чтобы такой дворец назвать дачей.

Он, как и Петр Григорьевич, не удивился встрече, все белое офицерство скопилось преимущественно в Крыму. Некрашевич решил эмигрировать в Турцию, дальше как получится — в Черногорию или Сербию, туда, где принимают бездомных людей. Он так и не женился, близких родственников не имел, оставаться в России не было смысла.

На следующий день Елисеев познакомил Константина Некрашевича с Петром Григорьевичем, дядя очень обрадовался надежному человеку, и у Аврелия Николаевича стало спокойней на душе.

Когда Елисеев сказал Саше, что уезжает, она ответила с вопросительно-насмешливой интонацией:

— Нам остается только имя: чудесный звук, на долгий срок?

Больше она ничего не сказала. Строки Осипа как нельзя лучше подвели итог их любви.

К Вере он добрался через месяц, очень удивившись, что так быстро. По пути его задерживали несколько раз, но отпускали, видя полубезумные от непрерывной головной боли глаза. Вместо молодого щеголеватого поручика с ровным пробором в каштановых волосах, с гордо вскинутым подбородком и задорным взглядом карих глаз к Вере Николаевне вернулся неопределенного возраста человек в мятой одежде с чужого плеча, с седоватой неряшливой бородой и нервным, судорожным лицом. Этого человека терзали болезни, он плохо слышал и видел и был мало приспособлен для дальнейшей жизни. Но Вера Николаевна ждала его, была с ним обречена и хотела стать его женой.

В семье Поречневых-Иванцовых дела шли от плохого к худшему. Людмила родила мальчика, он постоянно болел, плакал и всех измучил. Товарища прокурора новая власть расстреляла, как пособника буржуазии. Николай Степанович работал простым бухгалтером, денег приносил мало, кроме того, подвергался нападкам домоуправления за то, что занимал слишком большую жилплощадь. Евдокия Григорьевна измучилась, непрерывно стуча швейной машинкой, что-то кому-то перешивая. Платили продуктами, это поддерживало семью. Вера Николаевна научилась вязать, но доход приносила слабый. Людмила вообще не приносила дохода, все ее время отнимал больной ребенок.

Появление едва живого, душевнобольного жениха Веры было воспринято домашними безо всякого энтузиазма. В качестве добытчика он выглядел бесперспективно. Его нужно было лечить, но где взять на это деньги? Они еще не знали про морфин.

Было ясно, что выходить замуж за Елисеева Вере не только не нужно, но и опасно: Аврелий компрометировал семью, его уверения, что, служа в Добровольческой армии, он ни разу не участвовал в боях с красными, выглядели жалкой ложью, его в любой момент могли арестовать. Героические подвиги Елисеева на войне и его царские ордена в нынешнее время никого не интересовали, о них лучше было вообще не вспоминать. По суровой логике послереволюционной жизни ему следовало немедленно исчезнуть, чтобы никого не ставить под удар.

Эти соображения Евдокия Григорьевна в самой категорической форме изложила дочери. Вера выслушала и успокоила мать, сказав, что они, как только обвенчаются, немедленно уедут. С Евдокией Григорьевной после этих слов случилась истерика, ей ставили на лоб холодные компрессы.

5.

Зинаида Петровна не спала. Услышав условный стук в батарею, она поняла, что с Верой Николаевной что-то случилось. Зинаида Петровна включила настольную лампу, собираясь одеться, подняться на второй этаж и, если потребуется, позвонить Виталию Аврелиевичу, номер его телефона она знала, но, вспомнив про кота и про то, как отшвырнула ногой Вера Николаевна половичок, оскверненный Барсиком, решила не ходить: утром все выяснится. Приняла таблетку и заснула.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6.

Поселок назывался Носовое, мыс, на котором он расположен, — Белый Нос. Георгий после окончания института попросил распределить его на работу куда-нибудь подальше, лучше всего на Север. Декан факультета Игорь Андреевич саркастически усмехнулся:

— Туда, где трудно?

Георгий оценил его иронию, но не стал обращать на нее внимания.

— Именно так.

Георгий не то чтобы собирался совершать подвиги, но считал, что начинать трудовую деятельность надо где-то вдалеке от цивилизации. Если что-то получится с подвигами, будет не лишним.

В поселке Носовое находилась база экспедиции глубокого бурения; когда начиналась навигация, сюда нефтеналивными судами и сухогрузами привозили дизельное топливо, трубы, оборудование, цемент, бентонитовую глину — все, что было необходимо для бурения скважин.

Поселок поразил Георгия Елисеева скукой, жизнь в нем выглядела остановившейся, лишенной внутренней инициативы, энергии. Море, даже на вид холодное, грозно накатывало на скалистый берег волны с седой бахромой. Георгий подолгу стоял на берегу, пока не начинал замерзать под пронизывающим влажным ветром.

Работа, которую поручили Елисееву, была до обидного простой, хотя и по-своему ответственной. Он трудился инженером на трубной базе. Требовалось точно, по количеству и по маркам стали, принять трубы, которые привозили на кораблях летом, а зимой, когда наступали морозы и открывались дороги на буровые, отгружать трубы на машины и тракторные сани, тоже безошибочно. Никаких подвигов для этого не требовалось, нужно было просто быть внимательным. Зимой, правда, случалось до минус сорока пяти и ниже, но на трубной базе имелась теплая бытовка, в которой в любой момент можно было погреться.

С работой Георгий справлялся, со скукой дело обстояло сложнее. Хуже всего приходилось вечером, когда, поужинав в столовой, Георгий возвращался в тесную комнату в общежитии. С детства он был малообщителен, приучиться к алкоголю так и не смог, поэтому друзей в поселке у него не появилось. Пили здесь много и безобразно, Георгию это не нравилось и от знакомств отворачивало.

Он вырос в непьющей и довольно странной семье, где каждый жил сам по себе. Отец — Виталий Аврелиевич, главный библиограф областной библиотеки, был занят проблемами истории, допоздна задерживался в читальном зале; мать — Варвара Михайловна, работала экономистом в плановом отделе завода железобетонных изделий. Воспитанием Георгия никто не занимался, да он и не нуждался в нем, со школьными заданиями успешно справлялся самостоятельно. Гораздо больше, чем родители, на него влияла бабушка Вера Николаевна,

которая жила неподалеку, в трех остановках на трамвае. Георгий бывал у нее часто.

Бабушка рассказывала много интересного, например, о том, как видела Распутина. На перемене в гимназии кто-то прокричал, что на железнодорожную станцию вот-вот должен прибыть поезд, на котором Распутина везут в Санкт-Петербург к царю. Старшая сестра Людмила предложила Вере сбежать с уроков и посмотреть. В большом сибирском городе, где они жили, поезд с Распутиным стоял долго, на вокзале собралось много народу, и все показывали пальцами на окно вагона, в котором можно было смутно различить бородатого человека. Никто не мог точно сказать, что это Распутин, но все уверяли друг друга, что это он.

Время выглядело для Георгия неправдоподобно и странно: с бабушкой он мог разговаривать прямо сейчас, а загадочный Распутин, которого она видела в окне железнодорожного вагона, был далек примерно как Петр Первый. Время имело свойство слеживаться, слои его постепенно истончались, эпохи и люди становились не слишком далеки друг от друга. При этом расстояние между толстой, с испещренной гречкой лицом старухой, сидевшей напротив Георгия в глубоком кресле, и красивой черноволосой женщиной в широкополой черной шляпе на портрете, висящем на стене, было огромным.

Бабушка говорила: «Жизнь — это когда тебя кто-то любит». Георгий не смог оценить глубину и горечь этих слов и пропустил их мимо ушей, посчитав обычным старческим ворчанием. Человек умнеет медленно, и далеко не у всех это получается.

Дедушку звали Аврелий Николаевич, имя не соответствовало простой русской фамилии Елисеев. На вопросы об Аврелии Николаевиче бабушка долгое время отвечала уклончиво, жизнь научила быть осторожной, потом, состарившись, поняла, что надо рассказывать, иначе можно не успеть. Она перестала бояться, и Георгий увидел на старой, почерневшей от времени этажерке фотографию дедушки в форме поручика царской армии. Истории об участии Аврелия Николаевича в Первой мировой войне Георгий слушал, словно увлекательную повесть.

На более поздних фотографиях Аврелий Николаевич был неизменно в белом полотняном пиджаке под горло, наподобие кителя, с гладко выбритым, худощавым, аскетическим лицом.

Бабушка рассказывала, что он был склонен к едкому юмору. Любимое выражение «Это было давно, в старое проклятое время» отчетливо говорило о его политических пристрастиях. Он умер мгновенно, от инфаркта, когда бабушка рано утром пошла в магазин за молоком. С тех пор молоко она не пила, иронизировала над этим, но следовала зароку до конца жизни.

После смерти деда к бабушке стало приходиться множество людей, раньше такого не было: побаивались сурового Аврелия Николаевича. Бабушка умела каждому быть полезной, она прекрасно вязала и шила, могла быстро и качественно перелицевать платье, починить пиджак или брюки. Возможно, занималась также перепродажей серег и колец, она знала

в этом толк. Она много в чем знала толк, в том числе в лечении различных болезней народными средствами. Приходя к ней, Георгий постоянно заставлял каких-то вежливых бабушек в чистых платочках и женщин помоложе, с озабоченными лицами. Советами она делилась бесплатно, ничего не требуя, но люди все равно приносили ей подарки.

Когда он пришел к ней перед тем, как уехать по распределению после окончания института, Вера Николаевна почувствовала, что эта встреча последняя. Она давно смирилась со смертью, как с окончательным уходом, при этом верила в Бога, постоянно читала Библию и другие церковные книги, но вера давно уже стала привычкой, она не чувствовала той душевной глубины, которая была в молодости.

С трудом выбравшись из глубокого кресла, Вера Николаевна подошла к трельяжу, выдвинула один из ящичков, достала монету тускло-белого цвета и протянула ее Георгию.

— Вот, возьми. Аврелий Николаевич говорил, что это редкая монета, она дорого стоит. В жизни всякое случается, когда будет трудно, продашь.

Елисеев завещал свою коллекцию областному краеведческому музею, но эту монету почему-то сказал не отдавать. Георгий не обратил большого внимания на слова бабушки об ее ценности, считая, что слова «очень дорого стоит» для разных людей звучат неодинаково. Что значит для бабушки «очень дорого»? Пятьдесят рублей? Сто?

Уезжая на Север, Георгий бросил монету в пластмассовый стаканчик на столе, где стояли карандаши, не везти же ее с собой.

Бабушка умерла через пять месяцев, но приехать на похороны Георгию не удалось. Ликвидацией вещей Веры Николаевны занималась Варвара Михайловна, она не сохранила ничего, даже портрет Веры Николаевны в шляпе и фотографию Аврелия Николаевича в мундире офицера, не говоря уже о мебели. Виталий Аврелиевич немного поскандалил с женой по этому поводу, в ответ Варвара Михайловна предложила ему самому заняться продажей квартиры матери, и его негодование сразу же сошло на нет.

Георгий приехал, когда вся суэта, связанная с уходом Веры Николаевны, была давно закончена и забыта, бабушка исчезла бесследно, от нее осталась лишь старая, потускневшая монета с изображением какого-то полулысого человека, возможно царя. Георгий достал монету из стаканчика с карандашами и долго разглядывал. По кругу было написано: «Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. И САМ. ВСЕРОСС. 1825».

Георгий не очень хорошо знал историю, но точно помнил, что императора Константина в России не было. Он удивился, но не настолько, чтобы всерьез заинтересоваться этим вопросом, бросил монету назад в стаканчик и забыл о ней.

Через три месяца произошло событие, самым трагическим образом отразившееся на судьбе родителей Георгия: их обокрали. Ограбление было странным: переворошили вещи, раскидали по квартире, вытряхнули ящички шифоньера, комода и письменного стола, вероятно, что-то искали, но что можно искать у скромных пожилых людей предпенсионного возраста?

Предполагали тайное хранение каких-то ценностей? Но их у родителей Георгия никогда не было. Взяли несколько старых книг по истории в потертых обложках и ордена Аврелия Николаевича.

Серьезного материального урона грабители не нанесли, но психологический удар оказался сокрушительным. Виталий Аврелиевич, выглядевший в пятьдесят девять лет вполне здоровым и крепким, вдруг резко сдал, стало беспокоить давление, заболело сердце. Ему не давала покоя мысль о том, что ограбление может повториться, ведь непрошенные гости не нашли того, что искали.

Для Варвары Михайловны особенно отвратительным было то, что чистое белье, которое она тщательно гладила и аккуратно складывала в шкаф, кто-то чужой хватал грязными руками и швырял на пол, под ноги. Ее природная чистоплотность была глубоко оскорблена.

После случившегося она считала недопустимым оставлять квартиру без присмотра, даже намекнула Георгию насчет того, чтобы он бросил Север и вернулся домой. Но Георгий возвращаться не собирался. Во-первых, он уже привык к независимости, во-вторых, в стране близились перемены, и они уже начали отражаться на жизни людей — зарплату задерживали, предприятия нищали и закрывались. Георгий не был уверен, что в родном городе сможет найти порядочную работу, а трудиться кем попало не хотел.

Приехав в отпуск, он отправился в милицию, чтобы узнать, возможно ли найти злоумышленников. Пожилой седовласый следователь сказал, что квартирные кражи раскрывать трудно, к тому же нанесенный ущерб минимален. Стало ясно, что искать никто никого не будет.

Георгий подозревал соседей. В квартире напротив жила странная молодая пара неопрятного вида, эти люди ни с Георгием, ни с его родителями не здоровались, отворачивались при встрече, вели себя подчеркнуто недружелюбно, хотя поводов к этому не было. Георгия поразила такой случай: он стоял возле лифта, собираясь подняться к себе на седьмой этаж, в этот момент в подъезд вошла соседка с двумя малолетними сыновьями. Он жестом предложил ей быть первой. Старший из сыновей, мальчик лет пяти, подошел к Георгию и вдруг ударил его кулаком в живот. Георгий, удивившись, спросил:

— Почему ты меня бьешь? Чем я тебя обидел?

В ответ мальчик ударил еще раз. Мама, не извинившись за странное поведение сына, взяла его за шиворот и затащила в подошедший лифт.

Георгию уже приходилось сталкиваться с немотивированной ненавистью людей, но глубина этой неприязни его поразила.

Никаких реальных обвинений соседям Георгий предъявить не мог. Он еще несколько раз приходил в милицию, следователь выслушивал его с полным вниманием, но подозрения по поводу соседей проверить не считал нужным.

Поняв бессмысленность усилий, Георгий прекратил суету. Его беспокоило состояние родителей: мать более-менее крепилась, но отец стал нервным, зачастил в поликлинику, однако врачи ничего опасного для здоровья найти не могли.

Отпуск закончился, Георгий с тревогой в душе вернулся в поселок Новое. Наступила зима, море сковал лед, каждый день шел снег, засыпая поселок все сильнее, увеличивая серую, гнетущую тоску. В конце января отец умер, так и не оправившись после страшного потрясения. Поселок и подъездные пути к нему окончательно завалило снегом, выбраться было сложно, Георгий позвонил матери и сказал, что на похороны не приедет.

Со стороны отца Георгий всегда чувствовал разочарование, по-видимому, того не устраивало, каким растет сын. Отец, особенно в детстве, пытался заинтересовать мальчика литературой, но у Георгия обозначились спортивные пристрастия, он допоздна гонял мяч во дворе, приходил домой взмыленный, раскрасневшийся, на приготовление уроков, тем более на чтение дополнительной литературы, времени не оставалось. Варвара Михайловна не раз грозилась «взяться за сына», но так и не взялась. Георгий был средних способностей, закоренелый троечник, интереса ни к одному предмету не проявлял, тем не менее вступительные экзамены в институт нефти и газа сдал успешно.

Виталий Аврелиевич подрабатывал, читая лекции по эстетике в строительном институте. Однажды Георгий, ради интереса, пришел на его лекцию, сел в дальнем ряду аудитории так, чтобы отец не видел. Он удивился количеству студентов: неужели эстетика вызывает интерес у будущих прорабов?

Георгий прослушал лекцию о Льве Толстом и Достоевском. Виталий Аврелиевич не читал ее, как это делают обычные преподаватели, он подружески делился со студентами своим восхищением великими писателями, это создавало атмосферу доверия, будущие прорабы слушали с большим вниманием. Георгий увидел отца с неожиданной стороны, он перестал ему казаться человеком, живущем словно в аквариуме, за стеклом, появился повод гордиться им.

Как любому человеку, Георгию не нравилось быть посредственностью, он не хотел мириться с этим, пытался отыскать в себе качество, которое сможет развить, чтобы превосходить окружающих.

У него был друг Ярослав, единственный человек, с которым он не стеснялся делиться сокровенным. Ярослав жил в соседнем подъезде, они встречались каждый день, хотя и учились в разных школах, Георгий — в обычной, Ярослав — в элитной, с углубленным изучением французского языка. Когда Георгий попросил отца перевести его в эту школу, Виталий Аврелиевич смутился.

— Видишь ли, туда всех подряд не берут, — объяснил он.

— Только умных?

— Ну, не совсем так. У твоего друга Ярослава, учти, папа — первый секретарь райкома партии.

— Поэтому Ярослав умнее меня?

Виталий Аврелиевич из-за мягкости характера не был способен на грубость, Варвара Михайловна, слыша этот разговор, объяснила более доходчиво:

— Почему ты простых вещей не понимаешь? Его отец — начальство, номенклатура. Они даже питаются не так, как мы, в очередях за морожеными куриными лапами и шеями не стоят. Тебе уж пятнадцать лет, а ума не нашёл.

И Георгий вспомнил, как однажды засиделся у Ярослава до вечера, его родители пошли в театр, вернуться должны были поздно, Ярослав предложил вместе поужинать. Поставил на газ сковородку, налил подсолнечного масла, навалил горой картофельное пюре, сбоку положил какие-то небольшие котлетки. Они оказались удивительно вкусными, Георгий никогда таких не ел.

— Котлеты из рябчиков, — объяснил Ярослав, — нравятся?

Георгий даже представить себе не мог, что из рябчиков могут быть котлеты.

Ярослав тоже неважно учился, но троечник в элитной школе и в обычной — это разные троечники, он даже бравировал своим пренебрежением к учебе: мол, если потребуется, я и отличником смогу стать, только мне это не нужно, неинтересно. Он, действительно, на спор прочитывал страницу в книге и потом цитировал текст почти без ошибок или мгновенно умножал в уме двухзначные числа. Но главное — вел себя так, что им надлежало восхищаться. Для восхищения он хотел приспособить Георгия, но Георгий считал, что в дружбе должно быть равноправие. Кстати, перемножать в уме двухзначные числа он тоже научился, особенного дарования для этого не требовалось.

Однажды он спросил друга, в какой институт тот собирается поступать после окончания школы. Ярослав ответил, странно усмехнувшись:

— Куда-нибудь запишут.

...Варвара Михайловна после смерти Виталия Аврелиевича прожила недолго, около двух лет. Ничем серьезным она не болела, подвело то, что называется страхом смерти, этим недугом страдают многие пожилые люди. Кто-то посоветовал ей приобрести книгу о целебном голодании, которое продлевает жизнь почти до бесконечности. Варвара Михайловна, изучив ее, дополнительно купила брошюры о системе диет и поддержании здоровья с помощью обливания ледяной водой. Имея характер твердый и последовательный, она строго выполняла все требуемые манипуляции и скончалась от инфаркта ранним утром в ванной, после принятия рекомендованных водных процедур.

Похоронив мать, Георгий решил продать родительскую квартиру. Его удержал лишь слух о том, что геологоразведочное предприятие, в котором он работал, предполагают ликвидировать вместе с поселком Носовое. Он решил оставить плацдарм, куда можно будет вернуться с Севера.

Родители сразу же после памятного ограбления установили входную дверь внушительного вида и толщины. Георгий перед отъездом в Носовое запер ее на все мощные замки, один комплект ключей отдал Ярославу, больше было некому, попросил иногда заходить и проверять, не прохудились ли в квартире водяные и газовые трубы.

Ярослав после окончания института был оставлен на кафедре социологии, писал диссертацию на соискание звания кандидата наук. Георгий слабо представлял, чем может заниматься социолог, тем более если это друг его детства Ярослав.

8.

На Севере всегда находилось место «странным» людям, попросту говоря, юродивым — по поведению и внешне, — их не прогоняли, даже принимали на работу в сторожа или подсобные рабочие. К этому великодушью Георгий относился с пониманием, но со «странными» людьми старался не общаться, считая, что говорить с ними не о чем. Брезгливости он не испытывал, эти люди были безобидны и вежливы.

Таких в поселке Носовое было несколько человек, в основном спившиеся интеллигенты, утратившие первоначальную сущность и облик. У каждого из них имелась своя печальная история, одинаковым было то, что прежняя среда по разным причинам отторгла их, заставив изменить образ жизни и в прежнем качестве исчезнуть. Уничтожение личности не могло пройти бесследно, они тихо доживали в поселке свой век, зарабатывая на пропитание и алкоголь, без которого обойтись не могли.

С одним из таких людей — Всеволодом Ивановичем — Георгий неожиданно сошелся близко, помогла брусника.

Бруснику собирали абсолютно все жители поселка, в тундре произрастало огромное ее количество. Из брусники делали замечательные морсы, варили варенье. Для Георгия сбор этой ягоды являлся средством от тоски. Тоска царила смертная, большинство жителей поселка спасались от нее алкоголем, выход это был небезопасный, имевший порой трагические последствия. Георгий понемногу выпивал в компаниях, куда его приглашали на различные празднования, но особого удовольствия от водки не испытывал, хотя и чувствовал, что душа благодаря ей слегка оттаивает. Что-нибудь праздновать в поселке любили, если не было повода, легко его находили.

Георгий собирал бруснику один, спутник непременно принялся бы что-то говорить, отвлекая от мыслей. А думалось Георгию о разном. Он строил планы, которые можно было назвать мечтами, но он стеснялся высокопарности этого слова. Он намеревался отработать в поселке три года, положенные после окончания института, потом уехать в какой-нибудь большой город, лучше всего в Москву, поступить в университет и выучиться на астронома или путешественника, он еще не решил до конца, на кого именно. Эти профессии открыли бы, по мнению Георгия, обширные перспективы. Он боялся, что жизнь пройдет монотонно и нерадостно, как у его родителей.

Иметь в двадцать четыре года мечты четырнадцатилетнего мальчика было странно, Георгий это понимал, в его возрасте полагается думать о создании семьи, о детях, которые родятся. Но это как раз и был путь к быстрому расходованию жизни, ответственность перед женой и детьми

сразу же расставит все по местам, он окажется впряжен в телегу, освобождаться от которой уже не представится возможным, и жизнь закончится, едва начавшись.

Он вырос в семье, где сильных, шекспировских страстей не было и не предполагалось. Мама, Варвара Михайловна, была главной и намечала основные направления, Виталий Аврелиевич ей, в общем-то, подчинялся, но при этом неуклонно проводил свою линию поведения, и Варвара Михайловна ничего с этим поделать не могла. Скандальничать с мужем было бессмысленно, он молчал и продолжал жить так, как ему хотелось: библиотеки, архивы, исторические изыскания. Покупка дачи, ремонт квартиры и прочие глупости в круг его интересов не вписывались. Георгию было непонятно, зачем родители поженились и почему живут вместе так долго, у каждого из них свои интересы, которые не совпадают и никогда не совпадут. Позднее Георгий имел возможность убедиться в том, что люди совершают много необъяснимых логически поступков, оказываясь в результате в колее, выбраться из которой не хватает ни сил, ни желания.

Георгий встретился со Всеволодом Ивановичем в тундре, когда собирал бруснику. Этот человек был его подчиненным, работал стропальщиком на трубной базе. На вид ему можно было дать и пятьдесят, и семьдесят лет — редкая седая борода, впалые щеки, изможденное скуластое лицо с высоким лбом, взгляд рассеянный, будто он пытается что-то вспомнить, но никак не может.

Стропальщик из Всеволода Ивановича был никудышный, начальник трубной базы Петр Петрович Лещий не раз гневно выговаривал Георгию, краснея мощной шеей и щеками:

— Ты почему за ним не следишь? Почему он у тебя под грузом стоит? Если этого недоумка прибьет, тебя в тюрьму посадят, а заодно и меня.

Петр Петрович начинал пить водку с утра и не прекращал до вечера, но дозы при этом распределял умело и сильно пьяным не бывал, неизменно находясь в приподнятом, энергичном состоянии.

Признавая обоснованность обвинений, Всеволод Иванович оправдывался тем, что иногда ему в голову приходят поразительные мысли, он становится невнимательным, попадая под их власть.

В общем, человек был ненормальным.

Постояв немного за спиной Георгия и понаблюдав за сбором брусники, Всеволод Иванович дал ему ценный совет: класть в брусничное варенье кусочки яблока, оно, таким образом, приобретает особенный, пикантный вкус. Яблоки в поселковом магазине продавались, это были сморщенные, бледно-зеленого цвета плоды величиной чуть крупнее грецкого ореха, покупать их и употреблять в пищу никому не приходило в голову, но Всеволод Иванович заверил, что для варенья они будут вполне пригодны.

Сварив бруснику по новому методу, Георгий пригласил Всеволода Ивановича в гости, на чай. Выяснилось, что тот когда-то жил в Москве и трудился обозревателем в военно-историческом журнале, журнал имел партийную направленность, и когда Всеволод Иванович стал проявлять

некоторые сомнения в обветшавшей идее, это вызвало удивление и возмущение у коллег. Всеволод Иванович уже тогда регулярно выпивал, этого старались не замечать, но, когда выяснилось, что он к тому же скрытый диссидент, по совокупности пороков от него избавились.

В молодости он был любвеобилен и от каждой из трех жен имел детей, после смерти третьей выросшие дети нашли способ вытеснить Всеволода Ивановича из московской квартиры.

Попад на Север, он не изменил своей привычке, во внутреннем кармане телогрейки всегда носил плоскую фляжку. Он научился гнать самогон отменной крепости, почти не имеющий запаха, не морщась, отхлебывал его прямо из горлышка фляжки.

Общение со Всеволодом Ивановичем стало скрашивать одинокое существование Георгия: характером тот немного напоминал ему отца, правда, был гораздо словоохотливей. В глазах Всеволода Ивановича, увеличенных толстыми стеклами очков, жила безнадежная печаль, Георгий понимал, что ему встретился человек, с терпеливым достоинством ожидающий смерти.

История человечества в рассказах Всеволода Ивановича представлялась непрерывным страданием простых людей и бессмысленной жестокостью властителей. Он был когда-то заядлым нумизматом и говорил о том, что судьбу иных монет можно рассматривать как череду трагедий народов.

— Мой дед тоже был нумизматом, — сказал Георгий, — бабушка, по завещанию, отдала его коллекцию в областной краеведческий музей. Одну из монет она подарила мне, сказала, что монета стоит больших денег, но, я думаю, это преувеличение.

— Она у вас с собой? — спросил Всеволод Иванович.

— Нет, зачем ее возить, еще потеряю.

— Как она выглядит? Опишите.

— Там изображен полулысый дядька с большим лбом, коротким носом и мощным, выдающимся подбородком. По периметру указано: Константин Первый, Император Всероссийский, год 1825.

Всеволод Иванович, дрогнув тонкой, с длинными пальцами рукой, снял очки. Похоже, что он был взволнован.

— Откуда этот раритет мог взяться у вашего деда? Он бывал когда-нибудь в Москве, в Санкт-Петербурге?

— В Москве — не знаю, а в Питере точно был, он окончил там Михайловское артиллерийское училище. Вы считаете, это ценная монета?

— Да, она более чем любопытна, хотя это наверняка подделка. Впрочем, и качественные подделки имеют немалую ценность.

— Но насколько я знаю, императора Константина в России никогда не было, откуда ж взялась монета?

— В том-то и дело! — засмеялся Всеволод Иванович. — Императора не было, а монета — есть! В этом ее ценность. И загадка.

Он взглянул на Георгия как-то по-новому, не с усталой рассеянностью, как обычно, а остро и заинтересованно.

— Вы кому-нибудь говорили, что у вас есть этот раритет?

— Нет. Не помню. А почему вы спрашиваете?

— Видите ли, время сейчас тревожное, я думаю, что оно будет еще хуже, начнутся волнения, демонстрации. В такой ситуации преступность, бандитизм, как правило, активизируется, мы скоро в этом убедимся. Если кто-то из подонков узнает об этой редкой и дорогой монете, у вас могут возникнуть проблемы.

— А сколько она стоит?

— Это может сказать только опытный эксперт. По-любому деньги немалые, будьте осторожны.

— Что же это за монета, расскажите.

— Это одна из самых странных и таинственных монет Российской империи. История ее появления достоверно не известна. Вы правильно сказали, что императора Константина в России никогда не было. Некоторые исследователи считают, что в 1825 году эта монета была отчеканена с расчетом на коронацию цесаревича Константина Павловича. Никто не знал о том, что он отрекся от престола в пользу своего брата Николая еще в 1819 году. Царской семьей этот факт скрывался. Был подготовлен манифест Александра Первого, в котором наследником трона признавался Николай. Причем самому Николаю о содержании манифеста известно не было. Документ хранился в запечатанном пакете, открыть который надлежало только после смерти Александра. 27 ноября 1825 года стало известно о кончине императора, пакет распечатали, манифест огласили. Но еще до вскрытия пакета Константину успели присягнуть Николай и гвардия. Константин в это время находился в Варшаве, но ехать в Петербург для публичного заявления отказался, считая это излишним. Он письменно подтвердил отречение и отправил его с младшим братом Михаилом. Две недели в стране длился период неопределенности, возможно, в это время и были отчеканены монеты. После того как Николай Первый взошел на престол, монеты уничтожили за ненадобностью, но не все. Несколько штук осталось, сколько именно, сказать сложно, потому что постоянно всплывали и всплывают качественно выполненные копии.

— Так вы считаете, что хранить такую монету опасно?

— Я же вам объяснил: лучше, если о ней никто не будет знать.

— Но я могу продать ее?

— Можете, но вам нужно очень хорошо продумать, как это сделать.

9.

Этот разговор изменил скучную жизнь Георгия. Он стал вспоминать рассказы бабушки о деде, сопоставлять и анализировать события, осмысливать причастность их семьи к истории с константиновским рублем. Он допускал, что может ошибиться, насильно привязав факты друг к другу, но сюжет поневоле закручивался в его голове, изобилуя детективными подробностями.

Бабушка рассказывала о близком друге деда, бароне Энгерте, столичном аристократе. Энгерт окончил в один год с Аврелием Николаевичем

Михайловское артиллерийское училище, они воевали в одной бригаде в Первую мировую войну, потом Энгерт был тяжело ранен, скончался в госпитале, и деду передали его вещи, в том числе боевые медали и монеты, среди них — константиновский рубль. Как опытный нумизмат, Аврелий Николаевич не мог не знать о ценности константиновского рубля, поэтому не говорил о нем никому, даже Вере Николаевне. Он не отдал эту монету в краеведческий музей вместе с коллекцией. Но константиновских рублей немного; кому-то стало известно, что монета хранится у деда, эти люди заподозрили, что после его смерти она оказалась у Виталия Аврелиевича и Варвары Михайловны, поэтому их и ограбили.

Неожиданно просыпаясь по ночам, Георгий думал о том, что след может привести к нему. От этой мысли пробирала нервная дрожь: что делать, если так случится?

В этот год он не собирался заезжать домой, когда будет в отпуске, рассчитывал отдохнуть где-нибудь на юге, в Крыму — в Ялте или в Феодосии, но теперь решил заехать обязательно, ведь драгоценный рубль так и лежит в стаканчике с карандашами на письменном столе. Там ли он до сих пор, или квартира вновь подверглась ограблению и рубль исчез?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Георгий решил вечером пойти к Тане — была у него в поселке девушка, которую можно назвать любовницей. Бывает так: любви нет, а любовница есть.

А появилась в его жизни Таня вот как.

Новый год жители поселка праздновали в клубе, такая была традиция, приходили все. Георгий, немного выпив, развеселился, танцевал со всеми подряд девушками и даже с пожилыми женщинами. Но отчего-то рядом все время оказывалась Таня Копосова, посудомойка из столовой, и он несколько раз приглашал ее на медленные танцы, ощущая ладонями гибкую худую спину.

Таня была не только некрасива, но даже несимпатична, выражением лица напоминала маленькую обиженную собачку, но при этом пыталась выглядеть веселой, часто улыбалась. Они о чем-то разговорились, из клуба вышли вместе, и Георгий решил проводить Таню до общежития на краю поселка.

Пока дошли, замерзли, Таня предложила попить у нее в комнате чаю, чтобы согреться. Нашлась и початая бутылка сладкого вина. Уходить из тепла не хотелось, Георгий просидел долго, разговаривая о чем попало. Решающим событием в том, что произошло дальше, явилась перегоревшая лампочка. Она ярко светила из-под розового стеклянного абажура и вдруг погасла. В комнате стало темно и тревожно, Таня пересела ближе к Георгию, потом оказалась у него на коленях и вдруг стала его целовать, обняв тоненькими руками за шею.

Потом они оказались на кровати, разделись. Все происходило естественно и неизбежно, будто по заранее оговоренной программе. Таня обнимала Георгия так сильно, словно боялась, что он убежит.

Георгий понял, что до него мужчин у Тани не было, и спросил: — Тебе, наверное, больно сейчас?

Она ответила:

— Так и должно быть, мне говорили: сначала больно, а потом все будет нормально. Вы не беспокойтесь.

То, что она в такой момент назвала его на «вы», Георгия поразило. Что-то неестественное было в их торопливой неожиданной близости.

Когда он возвращался утром к себе в общежитие, было еще темно. Морозный ветер сек лицо мелким снегом, Георгий не обращал на него внимания, он чувствовал душевное и физическое опустошение и стыд. Может быть, оттого, что первую свою женщину не любил, она даже не вызывала у него симпатии. Это ненормально, неправильно, все должно было произойти по-другому. Ведь они с Таней даже знакомы по-настоящему не были — виделись каждый день в столовой, но не всегда здоровались. Почему она так легко согласилась на близость? Боялась, что больше никто не польстится? Разве она любит его?

Дальнейшие отношения развивались не менее странно: Таня никогда не приглашала его к себе, а он не предупреждал, что придет. Мог не появляться неделю или дольше, потом приходил, они гуляли по поселку, пили чай в Таниной комнате, и Георгий оставался до утра. Он понимал, что в случайности этих визитов есть что-то обидное для Тани, но никаких изменений в отношении не вносил, и все оставалось так как есть.

После рассказа Всеволода Ивановича о константиновском рубле Георгию стало казаться, что существует человек, от пристального взгляда которого не спрятаться нигде, даже здесь, на краю земли. Захотелось приклониться к кому-то, чтобы не то что спасли, но хотя бы поняли и обогрели на время. Никого другого, кроме Тани, для этого не было. Он не собирался рассказывать ей о константиновском рубле и об опасности, которая ему угрожает, и вдруг, не сдержавшись, открыл тайну. Ситуацию разъяснял столь подробно, что вскоре сам запутался, но Таня во всем разобралась и спросила:

— А нельзя сделать так, чтобы этой монеты не было?

— В каком смысле, не было? — не понял Георгий.

— Ну, нельзя выбросить ее, что ли, чтобы больше не думать?

Георгий опешил от такого нелепого предложения.

— Ты с ума, что ли, сошла? Она очень дорогая, мне кажется, на эти деньги даже квартиру можно купить возле моря, в Сочи или Феодосии, чтобы в отпуск приезжать, а потом, состарившись, совсем туда переселиться.

Он почувствовал, что загнул насчет квартиры, константиновский рубль столько не стоит, подумаешь, монетка, но ему хотелось поразить Таню.

— Тебя подстережет кто-нибудь, убьет и заберет этот рубль, тогда поймешь, что я права.

Танины слова попали точно в цель, он постоянно думал об этом.

— Если убьют, то как я смогу в этом убедиться, — проворчал Георгий.

Он собирался ехать в отпуск один, но Таня очень просила, и Георгий согласился взять ее с собой — не так скучно будет. Он не хотел признаться

себе в том, что боится ехать один. Он решил выяснить истинную стоимость константиновского рубля, но пока не знал, как это сделать.

О женитьбе на Тане вопрос не поднимался как неуместный, Георгий вступать в брак не собирался. Ни в ближайшие, ни в долгосрочные его планы это не входило. С Таней было удобно иметь товарищеские отношения, которые при необходимости приобретали ракурс любовных. Такая универсальность Георгия вполне устраивала, о том, устраивает ли она Таню, он не задумывался.

Но однажды Петр Петрович Леший вдруг сказал:

— Ты, говорят, скоро жениться будешь, так свадьбу в поселке делай, не зажимай, погуляем, как положено.

Георгий не нашел, что ответить, он забыл о том, что в поселке не так уж много людей и жизнь каждого видна словно под микроскопом. Негласно считалось: если мужчина спит с женщиной, то должен нести за это ответственность. Георгий с этим утверждением не был согласен, но и не обращать на него внимания не имел права. Любви к Тане не было, но он привык к ней и уже не обращал внимания на ее некрасивость. Таня внимательна, заботлива, с ней интересно разговаривать вечерами, она спасала от одиночества — вот что самое главное. Но свою жену он представлял совсем иной. Таня была товарищем, наподобие Ярослава. Разве можно жениться на товарище, в этом есть что-то противоестественное.

Как бы то ни было, в отпуск они поехали вместе.

10.

Георгий был полон подозрений, он осматривал квартиру так пристально, что вызвал невольную улыбку у Тани. Улыбка привела его в негодование. Разве нельзя допустить, что в квартиру проникли посторонние? Да, дверь стальная, надежная, но к любой двери можно подобрать ключ, если есть на это время и ты точно знаешь, что хозяин квартиры не может появиться неожиданно. А сосед об этом знал. И у Ярослава все это время были ключи от квартиры, можно ли быть уверенным в его честности? Разве не мог он вступить в преступный сговор с бандой, которая решила найти константиновский рубль? И не эта ли банда ограбила квартиру при жизни родителей?

Стоит ли говорить, что Георгию показалось, будто вещи в шкафу сложены не так, как раньше, в них кто-то рылся, и шторы на окнах он год назад задергивал не так, и книги на полках стоят не в той последовательности.

Таня уверяла, что он просто мнителен, что ему все это кажется, разве можно в точности запомнить все мелочи? Константиновский рубль на месте, вот он, в стаканчике с карандашами, почему злоумышленники не обнаружили его и не забрали?

Монета и в самом деле была на месте, но Георгий и тут нашел объяснение: если хочешь вещь надежно спрятать, лучше всего оставить ее на виду, это проверено, так во всех книгах пишут.

Он достал монету и долго глядывался в курносый профиль неудавшегося монарха. «Отчего отказался этот человек стать императором? Побоялся ответственности? Невозможно даже представить, как это трудно — управлять огромной Российской империей, что ни случись — во всем виноват ты».

Проклятый константиновский рубль внес сумятицу и неопределенность в жизнь Георгия, казалось бы, чего проще — продай его, получи деньги и успокойся. Но разве легко это сделать? За сколько и кому продать? Где тот человек, который выложит деньги? И не будет ли это противозаконно, ведь константиновский рубль наверняка представляет собой историческую ценность, попробуй докажи потом, что ты его не украл, что он принадлежал твоему родному деду? А где взял его дед? Действительно ли у барона Энгерта? Может быть, и там темная история?

Константиновский рубль мучил Георгия, он ловил себя на мысли о том, что Таня права, лучше б его не было.

Таня тщательно прибралась в квартире, вымыла полы и окна, произвела ревизию на кухне, выбросив старую, с трещинами, посуду, которая, по ее словам, приносит несчастье в дом. Накупила разной еды и заполнила ею холодильник. Георгий наконец-то заметил, как вкусно она готовит.

До него не сразу дошло, что Таня чувствует себя в квартире хозяйкой и это не выглядит неожиданностью или наглостью. То, что она ему не жена, уже не важно. Она умеет создать комфорт, уют, а это не каждой женщине по плечу.

Она ненавязчиво вошла в его заботы, все они крутились теперь вокруг константиновского рубля. Таня возненавидела эту монету, была уверена, что она не принесет им ничего хорошего. Георгий растерялся, он не знал, как поступить, не выбрасывать же. Он решил, несмотря ни на что, ее продать, деньги положить в сберкассу, чтобы росли проценты. Правда, в стране царил такой тарарам, что о сберкассе лучше было забыть.

Георгию не хотелось встречаться с Ярославом, но это было неизбежно, хотя бы для того, чтобы забрать ключи от квартиры. Таня к этой встрече отнеслась внимательно, приготовила обед, купила дорогой коньяк.

Ярослав защитил диссертацию и преподавал в университете. Друг детства раздался вширь и слегка полысел, говорить стал многозначительно и убедительно.

Он пил коньяк, каждый раз промокая салфеткой толстые губы, и рассуждал о рыночной экономике, неизбежной, на его взгляд, для России. В поведении Ярослава появилось нечто покровительственное, Георгия он называл «дорогой мой», Таню — «милая моя». Несколько раз солидно повторил: «Извините, но это не мой вопрос». В целом выглядел неприятно.

Георгий спросил, не знает ли Ярослав, где собираются теперь в городе нумизматы.

— Решил пойти по стопам деда, монетки собирать? — улыбнулся Ярослав. — Наверное, много денег на Севере заработал, спешишь вложить? Что ж, разумно. Скажу тебе по секрету, наступают времена, когда деньги лучше всего хранить в чем-то вещественном.

— Например? — поинтересовался Георгий.

— В золоте, бриллиантах, недвижимости. Да хотя бы в тех же старинных монетах, они своей ценности никогда не потеряют. Твой дедушка напрасно сдал коллекцию в музей, лучше б внука обрадовал наследством.

Слушая эти ленивые рассуждения, Георгий терялся в догадках: неужели Ярославу что-то известно? Возможно, что кто-то из нумизматов города знает о константиновском рубле, Аврелию Николаевичу не удалось скрыть факт наличия у него этой монеты. Почему он не рассказал о ней бабушке, хотя бы перед смертью? Не знал реальной ценности монеты? Сомнительно. Что-то не складывалось в этой логике.

Требовалось срочно выяснить, сколько стоит константиновский рубль, затягивать с этим вопросом не хотелось, пора было брать билеты на поезд в Феодосию — отпуск есть отпуск, он бывает раз в год и предназначен для отдыха, а не для глупых переживаний о злополучной монете в душной жаре приволжского города. Таня уже несколько раз намекала об этом, в общении с Георгием она умела взять аккуратный тон и, вроде бы ни на чем не настаивая, систематически давить на мозги. Если б она хамила и качала права, которых у нее не было, Георгий без труда нашел бы линию поведения, но ложная покорность Тани его обезоруживала и заставляла склоняться к компромиссам.

Ярослав сообщил адрес, и Георгий отправился в клуб филателистов и нумизматов.

Это было длинное, мрачноватое полуподвальное помещение с решетками на запыленных окнах; вдоль стен — столы, за которыми сидели пожилые люди, разложив кляссеры с марками, капсулы и планшеты из картона с ячейками для каждой монеты. В пространстве между столами бродили посетители, наклоняясь к выставленным на продажу монетам, некоторые разглядывали через увеличительные стекла, марки брали пинцетами; в этих людях чувствовалось нечто фанатическое. Атмосфера была душная и немного торжественная, разговоры велись негромко. Георгий отметил, что смотрят монеты и марки подолгу, но покупают редко. Народу было немного, иногда те, кто смотрел, доставали из портфелей свои кляссеры, альбомы и планшеты и показывали их содержимое сидящим за столами.

Крепко сжимая константиновский рубль в кулаке, Георгий пристально вглядывался в лица коллекционеров, выбирая, к кому из них обратиться с вопросом. Каждый при тщательном рассмотрении казался ненадежным и подозрительным, несмотря на преклонный возраст. Ошибиться было нельзя, ужасные картины преследования и расправы сразу же возникали в воспаленном мозгу Георгия.

Он остановился на самом старом из коллекционеров, этому человеку было за восемьдесят, седая плешивая голова порой болезненно вздрагивала, под погасшими водянистыми глазами взбухли опухоли, горбатый нос был испещрен синевато-багровыми сплетениями. Георгий дал ему прозвище Предсмертный, подошел и учтиво поздоровался.

Предсмертный посмотрел на Георгия без особого интереса и подвинул ближе к краю стола планшет с монетами: мол, будьте любезны, смотрите.

— Я хотел бы с вами поговорить, — сказал Георгий.

Лицо Предсмертного осталось равнодушным.

— Говорите. Слушаю.

— Здесь много народу, я бы хотел наедине.

— Что за капризы, молодой человек, я вас не понимаю.

— У меня серьезный разговор, поверьте.

— Что ж, — раздраженно пожал плечами Предсмертный, — извольте.

Он неторопливо сложил планшеты с монетами в потертый портфель, защелкнул замки и поставил его на пол возле стула соседа-нумизмата:

— Евгений Васильевич, будьте любезны...

В этой компании, как выяснилось, был старший по помещению — маленький иссохший старичок, похожий на китайского мудреца. Предсмертный сказал ему в ухо, поросшее пухом белесых волос, несколько слов, и тот протянул ключ:

— Надеюсь, ненадолго, Алексей Вячеславович?

— Полагаю, да, — ответил тот.

Помещение, в которое они вошли, оказалось чьим-то кабинетом: длинный стол, стулья вдоль него, с торца — кресло, по стенам — полки с книгами.

— Слушаю вас, молодой человек, — сказал Алексей Вячеславович, садясь на стул, голос у него был басовитым, многозначительным, хотя и вздрагивающим временами. Когда он говорил, «предсмертным» уже не выглядел.

Георгий молча вынул из кармана монету и положил ее на стол портретом неудавшегося императора вверх. Константин глядел насупившись, недобро. Алексей Вячеславович взял раритет сухими голубоватыми пальцами, рассмотрел, близко поднес к очкам, потом вынул из кармана увеличительное стекло, раскрыл его, стал изучать монету подробнее. Наконец, положил ее на стол.

Сказал, не меняя в глазах погасшего, замершего выражения:

— Если приобретение вами этой монеты было связано с криминалом — бандитизмом и воровством, то давайте нашу встречу закончим, вы ничего от меня не добьетесь, даже если станете угрожать. Только не говорите, что случайно нашли монету на пляже в песке или когда копали картошку на огороде.

— Она принадлежала моему покойному деду Аврелию Николаевичу Елисееву, — сказал Георгий, поняв, что темнить не нужно, — мне передала ее бабушка после смерти деда.

— Почему я должен вам верить?

Георгий достал из кармана брюк паспорт, который предусмотрительно взял с собой, открыл его на нужной странице и показал старику.

— Елисеев Георгий Витальевич, — прочитал старик вслух и усмехнулся. — Вы представляете, сколь распространенная это фамилия? Впрочем, ладно, похоже, что вы не бандит, это обнадеживает.

Он глубоко вздохнул и откашлялся.

— Итак. Я был знаком с вашим дедом. Человек это глубоко порядочный, но чрезвычайно скрытный. О том, что он обладает этим раритетом, Аврелий Николаевич никогда мне не говорил. Предполагаю, мало кому говорил. Мне известна история константиновского рубля довольно подробно. Могу вас уверить, что ваш экземпляр к шести монетам, отчеканенным в 1825 году, отношения не имеет. Это подделка, но очень хорошего качества. Монету перечекивали не раз, и каждая новая редакция имеет свои особенности — вам это едва ли интересно. Вас, вероятно, волнует стоимость монеты?

— В общем-то, да, — признался Георгий.

— Я не самый высококлассный эксперт, могу сказать очень приблизительно.

Он достал из кармана пиджака блокнот, шариковую ручку, открыл чистый лист, написал цифру и показал Георгию. Блокнот сразу же спрята. Георгия удивило, что старик не произнес цифру вслух, словно опасаясь, что могут подслушать, осторожность у этого поколения в крови.

— Есть еще вопросы?

— Не могли бы вы купить у меня эту монету?

— Еще чего не хватало. Вы, наверное, шутите?

Глаза старика стали насмешливыми и даже язвительными.

— Но почему? Неужели она вам не интересна?

— Молодой человек, я удовлетворил ваше любопытство, но вы продолжаете задавать вопросы. Они выглядят неэтично.

— Извините.

— Ничего. Будьте здоровы.

Старичок церемонно откланялся.

Когда Георгий вернулся домой, Таня смотрела телевизор, старенький «Темп-3», купленный когда-то Виталием Аврелиевичем по большому знакомству. В Москве были волнения, демонстрации, показывали Горбачева, беседующего с трудящимися, люди вели себя возбужденно.

Таня предложила пообедать, но Георгию было не до еды, он до сих пор не мог прийти в себя от шока, вызванного цифрой, написанной в блокноте стариком. Он решил не сообщать ее Тане, но, когда она спросила, сдержаться не смог. Он думал, что Таня будет поражена, но она лишь пожала плечами:

— Вот видишь, я так и думала. Что нам теперь с ней делать? С собой взять, в Феодосию?

— Нет, — возразил Георгий, — возить ее опасно, еще потеряем или украдут. Надо где-то здесь в квартире спрятать, в надежном месте.

— Она и лежала в надежном месте, ты сам об этом говорил, — сказала Таня и бросила монету обратно в стаканчик с карандашами.

До определенного момента жизни человек не думает о том, что он — часть истории, но это до тех пор, пока история не начинает вершиться на его глазах. Так было с Георгием и Таней в августе девяносто первого года.

Они приехали в Феодосию, сняли небольшой домик в районе, называемом местными жителями Карантин. Район был на горе, открывался

замечательный вид на морской залив, Георгий и Таня по утрам любовались им. Днем было некогда, они шли на пляж, загорали, купались, потом гуляли по городу, по набережной. Лето выдалось солнечное, жаркое, им очень нравилось в этом городе.

Однажды они подошли к порту и Георгий рассказал Тане, что именно отсюда генерал-майор Петр Григорьевич Елисеев отбыл в эмиграцию в 1920 году, он предлагал это сделать и Аврелию Николаевичу, которого встретил в Феодосии, но тот отказался, он был помолвлен с Верой Николаевной и должен был на ней жениться. Петр Григорьевич убеждал племянника, что белогвардейского офицера большевики обязательно расстреляют, но Аврелий Николаевич был непреклонен. С большими приключениями добравшись до Сибири, он выполнил обещание и обвенчался с Верой Николаевной.

Аврелий Николаевич получил в Михайловском артиллерийском училище отличное образование, в советское время он без труда окончил курсы геодезистов, овладев новой профессией, устроился работать на строительство железных дорог — делать съемку будущих путей. Работать приходилось в глухой местности, с частыми переездами, это и спасло его от бдительного ока компетентных органов.

Когда началась Великая Отечественная война, Аврелию Николаевичу исполнилось пятьдесят, его могли призвать в армию, но он имел бронь как железнодорожник. Воевать он не хотел и не раз говорил об этом Вере Николаевне, к советской власти относился скептически.

Перед тем как выйти на пенсию, они купили небольшую квартиру в городе, где жил сын, Виталий. Он вырос как-то незаметно, в многочисленных деревнях и поселках, по которым кочевали Елисеевы, прокладывая новые железные дороги.

— Откуда у него взялся константиновский рубль? — спросила Таня.

— У деда был близкий друг, барон Энгерт, они вместе окончили Михайловское артиллерийское училище и воевали вместе, Энгерт погиб, монета была в его вещах. Мне бабушка об этом рассказала.

— И дед никогда об этой монете никому не говорил, никому ее не показывал и не пытался продать?

— Выходит, что так.

— Ну и зачем она была нужна ему в таком случае?

В домике, где жили Таня и Георгий, был маленький телевизор, показывал он плохо, черно-белый экран рябил, поэтому включали его редко. С посторонними людьми Таня и Георгий не общались, о событиях, происходящих в Москве, они узнали поздно, когда Горбачев уже вернулся из Фороса в Москву и вся история с его якобы пленением закончилась. На самом деле это было только началом трагических событий, о которых тогда невозможно было даже предположить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

11.

Этот день навсегда запомнился Георгию Елисееву и не запомниться не мог.

Мороз был до сорока пяти, как и положено в феврале за полярным кругом. Раньше такие дни называли актированными, то есть выходными, теперь о морозе никто не вспоминал, если требовалось, работали.

Елисеев сидел в своем кабинете начальника базы производственно-го обеспечения, слушал характерное в сильный мороз потрескивание стен, отвечал на редкие телефонные звонки. В поселке Носовое два руководителя: глава администрации Парчевский и начальник базы Елисеев. Кто из них главнее, сказать сложно, поскольку подчиняются они разным ведомствам, однако Парчевский постоянно норовит поставить перед Елисеевым какую-либо задачу и потребовать ее выполнения.

Прошло почти пять лет после того памятного отпуска в Феодосии, за это время Георгий и Таня из поселка никуда не выезжали. Георгия назначили начальником ремонтного цеха, потом предложили возглавить всю базу, поскольку никого более подходящего не нашлось. Он долго сопротивлялся, прежде чем дал согласие. Геологоразведочную экспедицию, которой принадлежала база, расформировали, но принимать грузы по навигации было нужно для других организаций, поэтому базу пока что сохранили, однако ее существование каждый год висело на волоске. Народ разбежался, пил, организовать какое-то подобие управляемого производства становилось все труднее. Таня окончила бухгалтерские курсы и работала в администрации поселка, давая Парчевскому лишний козырь для давления на Елисеева.

У Георгия с Таней родился сын Дмитрий; приходя вечером домой с работы и глядя на этого маленького человека, Георгий каждый раз думал о том, что сына, как и все поколение, ждет нелегкая судьба.

Начался тот день с телефонного звонка в город с требованием дизельного топлива для электростанции и котельной. Поселок был полностью автономным, находился вдалеке от цивилизации, протянуть к нему линии электропередач и в советское время было сложно, а теперь — вообще фантастично. Дорог к нему также не построили; если взглянуть на карту, это легко оправдать: в октябре — начале ноября пробивали зимник, по нему вывозили на буровые то, что было принято в порту в навигацию и завозили в поселок продукты и топливо. Раньше трасса поддерживалась в хорошем состоянии, теперь бурили мало, поэтому зимник часто стоял переметенный снегом.

О поселке Носовое городское начальство иногда словно забывало, Елисеева это крайне возмущало: здесь жило сто двадцать человек, некоторые с малолетними детьми, если посередине зимы встанет из-за отсутствия топлива электростанция или котельная, эти люди замерзнут.

В этот год топлива на долю поселка завезли возмутительно мало, пообещали в случае необходимости дополнительные поставки, но Елисеев

на них не надеялся, гораздо больше успокаивало его то, что было принято двести кубов топлива для совместного предприятия «Аризона-ойл», он надеялся, если потребуется, взять в долг. Топливо хранилось на берегу в рулонной емкости, рядом стоял балок, в котором жил охранник от «Аризоны-ойл».

Наругавшись с утра, Георгий Витальевич с наслаждением закурил, он постепенно втянулся в курение, от табака отдыхали мозги, и еще это был повод, чтобы в этот момент не беспокоили посещениями.

Но останавливало это не всех. Коротко постучав, в кабинет вошел Александр Александрович Зварич, мастер ремонтного цеха. Высокого роста, с седоватыми, гладко зачесанными волосами, с нездоровым ярким румянцем на крепких щеках. Присел к столу. Ему необходимо было поговорить. Любого другого Елисеев попросил бы подождать за дверью, но не Зварича.

Он болен раком, долго лежал в больнице в городе, ему что-то вырезали в легких, потом облучали. Вернулся после операции вышел на работу и трудится в обычном режиме. Пьет при этом, как и прежде, ежедневно. Уволить его невозможно, надо сердца не иметь, чтобы его уволить.

— На рабочих не дыши, — попросил Елисеев. — И вообще не увлекайся.

— Я леденцами закусываю. — Зварич достал из кармана жестяную коробочку, открыл крышку и показал конфеты.

— Лучше б не пил, тогда и леденцы бы не требовались.

— Я б не пил. Не получается.

У него синие, откровенные глаза, Елисееву трудно в них глядеть.

— Болит у тебя внутри?

— Болит.

— Что?

— Душа. Дочь в институте не успею выучить.

— Тебе ж вроде бы вырезали все лишнее...

Не отвечает, глядит синими глазами мимо, на карту побережья, висящую на стене. Он знает, сколько ему вырезали и на какой срок хватит того, что осталось, ободрять Зварича нет смысла, жить ему недолго, хотя внутри ничего не болит, кроме души.

Глядя на него, Георгий Витальевич думал о том, как странно и страшно человеку ощущать свою физическую уязвимость: печень, почки, сердце, сосуды, легкие — как все это ненадежно. Он где-то прочитал про самообман, называемый клонированием.

Предположим, клонирование органов поставят на поток, прогресс в области капитального ремонта человеческого организма гарантированно удлинит жизнь. Но удлинит не всем. Стоимость клонирования органов будет высока, богатые люди станут жить дольше бедных, возникнет каста долгожителей. Эти люди перестанут опасаться за свое здоровье. Цирроз печени? Сейчас заменим печень. Рак легких? Заплатите по преёйскуранту.

Зварич ничего не знает о клонировании, сидит, склонив голову, молчит, хотя пришел поговорить, ему дублированных органов точно не

достанется. Он на инвалидности и может не работать, но без работы умрет гораздо раньше. От тоски.

Долго сидеть в кабинете начальника неприлично, он тяжело поднимается:

— Ну, я пойду?

Ждет, что Елисеев предложит задержаться, но тот не просит. Зваричу хочется облегчить душу, он не понимает: когда делишься грузом, тому, с кем поделился, становится тяжелее.

Георгий не ожидал, что станет начальником, что ему будет доверена жизнь людей. Раньше поселок был обширен и густонаселен, хотя эта зона считалась пограничной и попасть сюда было нелегко. Люди стремились в поселок, потому что здесь хорошо платили и снабжение продуктами и товарами было отличным. Теперь, после распада страны, жизнь переменилась — зарплата стала намного меньше, да и ту выдают с большой задержкой, а по поводу снабжения и говорить нечего. В поселке остались те, кому некуда деться, процветает пьянство, хотя алкоголь не завозится. Елисеев знает, что в ремонтном цехе на поток поставлено изготовление самогонных аппаратов, но ничего не может с этим поделаться.

Однажды посреди ночи его разбудил телефонный звонок, звонила вахтерша из общежития:

— Георгий Витальевич, там Симаков сам себя режет!

Не вникая в подробности, Елисеев накинул полушубок, сунул в унты босые ноги, понимая, что медлить нельзя. Милиционера в поселке давно не было, его функции легли на Парчевского и Елисеева. Но хитрый Парчевский отключал телефон на ночь и дверь не открывал, чтобы не беспокоили.

Посреди комнаты, пол которой сплошь усеян сгустками крови, сидел на стуле здоровенный парень, голый по пояс, — плотник Симаков. С задумчивой озабоченностью склонив патлатую голову, он вырезал у себя из мякоти левой руки, пониже локтя, кусочки мяса. Уже проглядывала белая лучевая кость. Насквозь пропитав тело и мозг алкоголем, Симаков боли не чувствовал.

Елисеев содрогнулся от этой картины:

— Что ты делаешь, дурень, прекрати!

— Не кричите, Георгий Витальевич, — спокойно ответил плотник, взглянув на Елисеева тусклыми, отсутствующими глазами. — Я ондатру свежую. Не подходите, не мешайте.

Пьяные собутыльники Симакова сбивчиво объяснили, что он, обезумев от самогона, стал бросаться на всех с ножом, даже кого-то слегка зацепил, потом сел на стул в своей комнате и принялся кромсать руку.

Елисеев рос тихим и неконфликтным, в драках во дворе никогда не участвовал, за всю жизнь никого не ударил по лицу, даже когда следовало это сделать, Елисеев и сам не понял, откуда взялось в нем вдруг столько решимости: он подошел к Симакову и с размаху врезал ему в ухо. Плотник повалился на пол, как куль, нож отлетел в сторону. На Симакова бросились, стали его связывать.

— Идиоты! — заорал Елисеев. — Руку ему забинтуйте, он сейчас от потери крови умрет!

Руку в предплечье перетянули резиновым жгутом, чтобы остановить кровь, рану перебинтовали. Прилетел вертолет — санрейс, Симакова отвезли в город, в больницу. Там он и умер...

Ситуация с дизельным топливом совершенно не нравилась Елисееву: позавчера его уверили, что из города вышли в поселок две машины — это двадцать кубов солярки, — но вчера вечером пришло сообщение о том, что машины вернулись, потому что крутой овраг, имеющий название Тещин язык, замело снегом. Был направлен бульдозер, чтобы расчистить дорогу, но он сломался, бульдозерист на попутной машине вернулся в город и запил.

Елисеев позвонил в офис компании «Аризона-ойл» и попросил дизельное топливо в долг, там вежливо известили, что, по их информации, топливо в поселок отправлено в достаточном количестве, опасности, что люди замерзнут, нет. Информацию о поломанном бульдозере и запившем бульдозеристе посчитали ложной, решив, что их обманывают, чтобы перестраховаться.

Георгий Витальевич позвонил в городскую администрацию и доложил, что ситуация тревожная, если не сказать катастрофическая, там долго слушать не стали, ответив коротко: «Принято».

Уверенно распахнув дверь, в кабинет вошел Олег Владимирович Пожидаев — видный мужчина с повадками женского любимца. Важными манерами он напоминал Елисееву павлина. Пытался держаться на равных, намекает на свои серьезные в прошлом должности: «Я руководил тысячами людей». Никакими тысячами он не руководил, Елисеев из любопытства поинтересовался в отделе кадров.

Пожидаев — мастер по обслуживанию и ремонту трубопроводов, которые ведут от морского терминала к нефтебазе.

С утра он посылает двух подчиненных ему слесарей для осмотра и ремонта труб и задвижек, а сам целыми днями не выходит из кабинета, бесовестно спит, составив друг с другом стулья; иногда выпивает, стараясь не попасться на глаза Елисееву. Георгий давно собирается выгнать этого бездельника.

— Вы хомуты заказали? — спросил он.

— Естественно.

— На все диаметры трубопроводов?

— Конечно.

— И резину нашли?

— Конечно.

— Можно проверить?

«Задумался, — отметил Георгий, — значит, врет».

— Почему вы ко мне придираетесь?

— Вас оскорбляет то, что я требую организовать работу? В навигацию изготовлением хомутов и тренировками по их установке будет заниматься некогда. Я наблюдал за действиями ваших рабочих при порыве

трубопровода. Вам самому приходилось пользоваться хомутом? Вы представляете, как его поставить?

Пожидаев кровно обижен, гневно сжал губы.

— Я двадцать лет в нефтяной промышленности!

— Не имеет значения, хоть тридцать. Давайте завтра проверим наличие хомутов по списку, каждой разновидности должно быть по четыре штуки.

— Что вы меня пугаете?

«Неизлечим, — решил Елисеев, — надо гнать, пусть лучше никакого мастера не будет, чем такой».

12.

Неподалеку от офисного здания базы производственного обеспечения отапливаемый гараж для старенького служебного уазика. Водитель давно уволился, Георгий научился ездить сам. Гараж сооружен из старой компрессорной и оборудован по-хозяйски, Елисеев им тайно гордится. Нужно ехать домой на обед, пешком идти холодно. Двигатель машины завелся «с полпинка», заурчал уютно и ровно, словно соскучившись по работе.

Дома ждал борщ, котлеты из оленины и восторг сына, Дмитрия Георгиевича, по поводу появления отца. Сначала Георгий называл сына по имени-отчеству в шутку, но потом привык и уже не мог без этого обойтись. Восторг сына трогал его до слез. Ему невольно думалось, что, когда он будет умирать, эти картины вспомнятся как самые счастливые: восторг сына при его появлении и улыбающееся лицо Тани, сидящей за накрытым к обеду столом. Любому человеку, независимо от возраста, отчего-то кажется, что умирать он будет еще очень нескоро.

Родив ребенка, Таня заметно пополнела и приобрела женские формы, она даже на лицо стала симпатичной, чего уж совсем трудно было ожидать. Перед росписью в ЗАГСе, в городе, когда сидели на мягких стульях, ожидая своей очереди, Таня умоляюще шепнула на ухо Георгию:

— Ты только, пожалуйста, не пей, что бы ни случилось! Можешь даже к чужой женщине пойти, я это как-нибудь переживу, но не пей.

Таня была местная, выросла в поселке Нижние Ручьи, там пьянство имело ужасающие масштабы, родители Тани по этой причине рано ушли из жизни, оставив в памяти дочери жуть своего поведения.

Почувствовав, что ее слова прозвучали чересчур откровенно и неуместно, Таня добавила, попытавшись неловко пошутить:

— Мама говорила, что у мужчины могут быть в жизни два несчастья: большие деньги и красивая жена, тебе повезло, у тебя нет ни того, ни другого, так что можешь считать себя счастливым.

Шутка Георгию не понравилась.

После обеда Елисеев решил съездить на нефтебазу, особой нужды в этом не было, но ему вдруг захотелось посмотреть на рулонную емкость с дизельным топливом, принадлежащим совместному предприятию «Аризона-ойл», он словно засомневался в ее реальности.

Он ехал по поселку, стараясь не замечать безжизненные двухэтажные дома с заколоченными окнами, заметенный снегом клуб с просевшей крышей, готовый провалиться, безлюдность улиц. Поселок умирал и скоро умрет окончательно, это было ясно. Георгий отдал ему десять лет жизни, получалось, что годы эти прошли бессмысленно. То, что показывали по телевизору, также не внушало оптимизма: страна катилась в пропасть, чем дальше, тем быстрее, Георгий Елисеев не мог этот процесс остановить, и ему было горько и страшно.

Дорога на нефтебазу была сильно переметена и едва различалась, Георгию пришлось включить в машине передний мост. Вот и два ряда окрашенных в серебристый цвет емкостей. Балок «Аризоны-ойл» выглядел безжизненным, но Георгий знал, что охранник на месте, он отлучается лишь ранним утром, чтобы проверить «чумики» на песцов и петли на зайцев.

Задвижка рулонной емкости была замотана цепью, висел солидный амбарный замок. Георгий улыбнулся символичности этого запора: перепилить цепь ножовкой можно за пять минут. Охранник так и не вышел из балка, видимо узнав Георгия издали, появление начальника базы не вызвало у него подозрений. А может быть, он просто спал.

Елисееву захотелось поехать на причал, в этом также не было необходимости, но если уж делать осмотр подведомственной территории, так всей сразу. Лобовое стекло стало припорошивать снегом, Георгий подумал: если начнется пурга, это не меньше чем на три дня. Или на шесть. Или на девять. Пурга дует именно с такой периодичностью.

Берег моря на снежной равнине почти не обозначался, где-то под снегом застыли причальные дебаркадеры, весной они оттают и всплывут. Георгий любил весну, в зиме было что-то мертвенно-унылое, но зима в этих местах стояла в течение восьми месяцев.

На обратном пути свернул к помещению электростанции, он каждый день бывал там, не было объекта важнее. Ну еще котельная. Электростанцией командовал Петр Афанасьевич — пожилой, солидный человек, друг Всеволода Ивановича. Всеволод Иванович два года как умер — уснул на койке в пустом общежитии и не проснулся. Георгия очень расстроила его смерть.

О ситуации с дизельным топливом Петру Афанасьевичу было хорошо известно, поэтому ненужных вопросов Елисееву он задавать не стал, не сомневаясь, что тот ищет выход из положения и найдет его.

Светлое, ухоженное помещение электростанции всегда вносило умиротворение в душу Георгия: пока рокочет мощный двенадцатицилиндровый агрегат, поселок жив; и в самой фигуре Петра Афанасьевича — плотной, приземистой, в его добела седых, нестриженных кудрях, было что-то надежное, капитальное, на такого человека можно положиться.

Когда Елисеев вернулся в кабинет, пурга уже дула всерьез, бросая в оконное стекло гроздь снежной крупы. Георгий подумал, что про те две машины с дизтопливом, которые пытались пробиться из города, можно окончательно забыть. Он не сомневался, что получит разрешение взять

кубов двадцать топлива в долг из рулонной емкости «Аризоны-ойл», иначе быть не могло.

Начало темнеть, Георгий включил свет, стал листать деловые бумаги, не переставая думать о том, что обязательно должны позвонить из города по поводу топлива.

Валя вошла молча и решительно, Георгий невольно вздрогнул при ее появлении, хотя к этим трагическим манерам успел привыкнуть. Маленькая, сутуловатая женщина, в сером платье и коричневой вязаной кофте. Комок горя, мощный негатив. Даже когда она молчит, пространство наполняется столь глубокой, физически ощутимой скорбью, что хочется выйти из помещения.

Валя исполняет функции секретарши, нормировщицы и вообще тянет всю бумажную работу на базе производственного обеспечения. При отращении Елисеева к регулярной отчетности и другим бюрократическим программам такой человек важен.

Появилась она года два назад; быстро поняв свою незаменимость, принялась нагнеть. Из-за тотальной загруженности Георгий пропустил прохождение Вале́й границы, разделяющей уязвленную гордость незамужней женщины и бесцеремонность матери-одиночки, чьи права защищены государством. Мать-одиночка — это священная корова, которой можно абсолютно все, при этом сын постоянно на Большой земле, у бабушки. Некоторые люди считают, что в их несчастьях виновно все остальное человечество.

Зварич искренне поражался:

— Откуда взялся сын? Кто на нее польстился?

Он оказался не прав. Валя быстро обзавелась любовником. Угловатый оператор котельной Богдан стал подолгу засиживаться в ее крошечном кабинете, где едва умещались стол и стул. Телогрейка Богдана исторгала устойчивую вонь, свойственную котельной, Валя терпела во имя тайных стратегических целей. Расчет оказался верным: Богдан бросил семью и стал жить с ней.

Это был один из тех людей, которые не хватают звезд с неба, потому что они им не нужны. Угрюмый, малоразговорчивый, временами — дерзкий.

А потом Богдан тяжело заболел, его лечили в городской больнице, потом перевели в окружную. Затем отвезли в Архангельск, где страшный диагноз подтвердился. С той поры начались Валины визиты в кабинет Елисеева. Она ухитрялась выглядеть гордой и независимой, когда просила, а просила она постоянно. Просьбы незаметно превратились в требования, создалось впечатление, что Елисееву ничего не стоит помочь ее горю, но он не желает из равнодушия.

Георгий не заметил, как влез в эту тряси́ну: звонил, писал бумаги в городскую и окружную администрацию. Все эти действия отняли у него массу нервов и времени, Богдану не помогли, но по поселку распространился слух о близких отношениях между Елисеевым и Вале́й.

Понятие «жалко» было давно пройдено, да и что такое «жалко»? Как применить это слово к человеку, переступившему одной ногой границу

смерти? Что ему эта жалость? И почему это слово так важно для маленькой женщины, ссутулившейся напротив Георгия на стуле?

Однажды Валя сообщит, что Богдан умер, в поселке соберут деньги на похороны и вскоре забудут о нем, но Георгию кажется, что Валя все равно будет приходить к нему в кабинет и сидеть напротив с молчаливой укоризной, пытаясь пробудить в нем стыд за безучастность к судьбе ближнего.

13.

Явился Парчевский. Он редко приходит в кабинет к Елисееву, считая себя руководителем рангом выше.

Владимир Михайлович невелик ростом, но голову держит гордо и осанку имеет подчеркнута прямую, по этой причине кажется выше. Он часто улыбается, но Георгию не нравятся эти улыбки, они имеют начальственный оттенок.

Остановился возле двери, так и не поздоровавшись, спросил:

— Что у вас с дизельным топливом?

Очень ловко поставлен вопрос, он сразу определяет приоритет: «у вас», значит у Елисеева, он, Парчевский, ни при чем, если что-то не получится, виновник известен.

Георгий без труда оценил эту подлую уловку, он не собирался уклоняться от ответственности, но раздражало то, что Парчевский, отлично осведомленный о ситуации с топливом, хочет, чтобы Елисеев ему официально доложил.

— Жду звонка из города, — ответил Георгий. — Вы звонили в администрацию?

— На компанию «Аризона-ойл» администрация влияния не имеет.

— Тогда нужно было в навигацию привезти топлива столько, сколько я заказал, а не заниматься демагогией, — не выдержал Елисеев.

— Так почему вы этого не добились, не проявили характер?

Смысл визита Парчевского для Георгия предельно ясен: стелет соломку, чтобы, если что, было мягче падать. Теперь, когда приперло, этот хитрован пытается делать трусливые финты, чтобы выйти из-под удара. Что ж, обойдемся без него.

— Я дам вам знать, Владимир Михайлович, когда вопрос решится, — вежливо сказал Елисеев, чтобы завершить бессмысленный разговор.

Парчевского такой вариант вполне устроил, он кивнул и удалился.

Рабочий день закончился, но Елисеев не уходил из кабинета, ожидая звонка. Наконец телефон взорвался трелью, Георгий схватил трубку:

— Слушаю вас.

— Это Евсеев? — В голосе чувствовался южный акцент, который говоривший не находил нужным скрывать, даже подчеркивал.

— Моя фамилия Елисеев, — ответил Георгий.

— Так вот, Евсеев, — абонент не стал исправлять ошибку в фамилии, подчеркивая этим свое пренебрежение, — дизельное топливо компании

«Аризона-ойл» является частной собственностью, если вы возьмете из емкости хотя бы литр, пойдете под суд. Это я вам обещаю.

Георгий задохнулся от негодования:

— У меня больше ста человек в поселке, из них одиннадцать несовершеннолетних детей.

— Надо было раньше заботиться о детях. Вы не подготовились к зиме. Вы плохой руководитель.

— Мне нужно хотя бы десять кубов топлива, задула пурга, ни машинам, ни вертолету, тем более с подвеской, не пробиться.

— Ты что, русского языка не понимаешь? — взорвался абонент, поверкая слова еще больше. — У меня свои дети, у тебя — свои. Прошу не путать.

Георгий бросил трубку.

Всю ночь Елисееву не спалось, он выходил на кухню, курил, приоткрыв форточку, пурга бесновалась жутко, в двух метрах нельзя было ничего различить. Утром Георгий принял относительно топлива окончательное решение: рисковать жизнью людей нельзя.

Десятикубовая емкость на тракторных санях была тарифована по всем правилам, на это имелся официальный документ с печатью. Георгий составил акт, на основании которого надлежало изъять десять кубических метров дизельного топлива, принадлежащего компании «Аризона-ойл» в связи с экстренной ситуацией в поселке, грозящей гибелью людей.

С этим актом в кармане он вошел в балок сторожа, отряхнул снег с шапки, потом снял полушубок и потряс его возле двери.

Сторожа звали Леонид Борисович, Георгий познакомился с ним, пытаясь найти замену Всеволоду Ивановичу, но из этого ничего не вышло.

Леонид Борисович, представительным лицом напоминавший университетского профессора, был на удивление трезв. Недоверчиво взглянув на Елисеева, он надел очки с толстыми стеклами в облезшей золоченой оправе и внимательно изучил предоставленный ему Елисеевым документ. Тяжело вздохнув, категорически заключил:

— Можете делать, что угодно, я видеть этого не хочу. Позвоню хозяевам и сообщу о происшедшем. Надеюсь, вы понимаете, что это произвол?

— Я понимаю то, что могут замерзнуть люди.

Леонида Борисовича не смутило это заявление:

— Вам нужно дизельное топливо? Заберите, препятствовать не могу и не буду, но ключа я вам не дам, пилите замок или цепь, как вам понравится.

На этом разговор завершился, Елисеев дал команду Александру Александровичу, и тот перепилил цепь, предварительно смазав ее солидолом, чтобы не было искр.

Он отлично понимал, что стал уголовным преступником, но иначе поступить не мог. В том, что придется понести наказание, у него сомнений не было.

На следующий день, едва он вошел утром в кабинет, раздался звонок и знакомый голос с южным акцентом сообщил:

— В прокуратуре уже известно о том, что вы сделали. За хищение ответите по закону.

За те два месяца, пока шло следствие, Георгий Витальевич постарел лет на десять. Могучая женщина в очках, окружной прокурор, называла его официально — гражданин Елисеев, а потерпевшего, представителя компании «Аризона-ойл», отчего-то по имени-отчеству — Михаил Аббасович. Это Елисеева уязвляло. Он категорически отрицал то, что «похитил дизельное топливо для последующей продажи с целью личного обогащения». Могучая женщина отлично понимала, что это абсурд, но на этой формулировке настаивала. Михаил Аббасович, обвиняя Елисеева, не говорил, а визжал, он, по-видимому, считал, что тяжесть преступления достойна высшей меры наказания. Руководители администрации города заняли сочувственную позицию, но в защиту Георгия Витальевича никто из них так и не выступил.

Парчевский добавил дровишек в огонь, заявив о том, что начальник базы производственного обеспечения Елисеев разлагался давно, приближая к себе алкоголиков типа Зварича, притесняя добропорядочных людей, как Олег Пожидаев, и пытаюсь вынудить к интимной близости свою секретаршу Валентину Истомину.

Елисееву присудили штраф «за превышение служебных полномочий и хищение частной собственности». Если не знать подробностей этого дела, Георгия Витальевича можно было считать обыкновенным вором.

Администрация города выплатила часть штрафа, присужденного Елисееву, и это выглядело цинично: если компенсируете штраф, значит, признаете, что человек невиновен. От должности начальника базы производственного обеспечения он был отстранен и написал заявление об увольнении по собственному желанию. Они с Таней и до этого случая подумывали о том, чтобы уехать из умирающего поселка, но отъезд с позором был невыносим.

Таким образом они оказались в приволжском городе, в квартире родителей Георгия, больше деваться было некуда.

14.

По телевизору говорили, что скоро все будет хорошо, нужно немного потерпеть, но это время никак не наступало, Тане и Георгию жить становилось все труднее, денег не было, все заработанное на Севере ушло на оплату штрафа. Таня устроилась бухгалтером, Георгий работы найти не мог, по его профессии вакансий не было, перебивался случайными заработками, где-то чего-то «погрузить-разгрузить», но больших доходов эта деятельность не приносила. В основном сидел дома с сыном, которому это очень нравилось. Иногда звонил Ярославу, тот разговаривал оживленно, но работы не предлагал. Прежняя затаенная чванливость в интонациях друга детства уже не так чувствовалась, он жаловался на коллег-преподавателей, на ректора института, на неправильную страну, в которой ему приходится жить. Ярослав

некоторое время был женат, но развелся, потому что «с дурой жить невозможно».

Иногда Георгий доставал из стаканчика с карандашами константиновский рубль, разглядывал его. Дмитрий Георгиевич любопытствовал, что это за штука, и Георгий подробно рассказал историю монеты. Мысли по поводу константиновского рубля ему приходили в голову самые разные, в том числе рискованные, но Таня, догадываясь о них, запретила даже думать о продаже.

— Человеческая жизнь теперь ничего не стоит, — говорила она, — если бандиты узнают про этот рубль, убьют не только тебя, но и Диму, и меня, и никаких денег тогда не потребуется. Лучше быть бедным, но живым.

Рассуждения выглядели здраво, Георгий соглашался с женой, но бедность угнетала все больше, при самой тщательной экономии едва хватало на еду. Несколько раз Георгий опускался до того, что приходил вечером на рынок после его закрытия и собирал закатившиеся под прилавок картофелины, морковки и свеклы. Он понимал, что ничем не отличается при этом от тех отставных интеллигентов, которые роются в помойках.

Он стал читать книги, которыми были уставлены полки в шкафах, раньше Георгий не вникал в книги отца, но теперь они помогали ему разобраться в том, что произошло и происходит в стране.

В одной из них попалась фраза: «Причина окончательного падения Рима состояла в том, что его жители более не заслуживали успеха». Эдуард Гиббон, который сказал это больше двухсот лет назад, не имел представления о том, что случится в России в конце двадцатого века.

В конце восьмидесятых страна подошла к рубежу готовности к переменам, слишком много накопилось непереносимой лжи и лицемерия, за этим рубежом виделось обновление, чистый воздух. Но сущность перемен представлялась смутно, все эти обтекаемые горбачевские слова, звучавшие с нарочитой искренностью, выглядели декларативно. Казалось, что успеха можно достичь, ничего не меняя во внутренней сущности. То есть пусть будет все так, как есть, только лучше. Но подобные фантастические вещи невозможны, это примерно как быть наполовину беременной. Скорее всего, не понимал этого и глава государства, затеявший перемены, хотя он, несомненно, хотел как лучше. Но огромный корабль, идущий заданным курсом, нельзя поворачивать круто, даже если ты убежден, что поворот будет в нужную сторону. Часть людей при этом попадает за борт и погибнет, другие — получают смертельные травмы от падения внутри корабля, а уж тошнить будет абсолютно всех. Считать это «естественной убылью» во имя достижения главной цели — бесчеловечно. Такие маневры Россия не раз совершала с одинаково жестоким результатом. Но русским людям свойственно нетерпение, уверенность, что сложную задачу преобразования можно решить легко — дней за пятьсот и даже быстрее.

А может быть, дело в том, думал Георгий, что задача создания «нового человека» так и осталась нерешенной и в результате получилось нечто подобное Парчевскому?

Таня, придя домой с работы, заставала мужа с книгой в руках, а Дмитрия Георгиевича — с игрушками на полу.

Для того чтобы чувствовать себя счастливым, человеку нужно не так уж и много, Таня была счастлива тем, что у нее есть, — сын, муж и эта, пусть неустроенная и нелегкая, но радостная жизнь. Правда, небольшую курицу приходилось растягивать на четыре супа, но это были вполне терпимые мелочи.

Но Георгию это мелочью не казалось, его угнетало то, что он, мужчина в расцвете лет, не может обеспечить семью. Это было стыдно, позорно, невыносимо, любые оправдания выглядели неуместно.

Так прошло лето, а в сентябре, отчаявшись, Георгий втайне от жены отправился в клуб филателистов и нумизматов.

Он вошел в памятное ему длинное полуподвальное помещение. Склоненные над альбомами и планшетами лысины и седые макушки. Для этих людей не существовало ни перестроек, ни реформ, ни революций, они были сосредоточены на своих коллекциях — на этих марках, ветхих открытках и почерневших монетах. Это по-своему счастливые люди, но Георгий им не завидовал. Тридцать лет назад здесь сидел Аврелий Николаевич, теперь он исчез, его место занял другой человек; пройдет еще тридцать лет, состав опять изменится, но останется затхлый дух вечности, повисший в этом полуподвале, дух, о который время разбивается в бессилии.

Алексея Вячеславовича не было, и Георгий этому не удивился: строгий старичок наверняка уже беседует в высших сферах с Аврелием Николаевичем, может быть, они обсуждают судьбу константиновского рубля. Трудно предположить, что там обсуждают.

Георгия мучило бессильное отчаянье: полжизни прошло — и каков результат? Тупик, безнадежность, безденежье. Да еще и это унижительное судилище, в процессе которого стало очевидно, что каждый сам за себя, никто никому не поможет. Он спасал людей от смерти, а над ним посмеялись и бросили.

Глупо чего-то бояться, когда нет будущего, думал он. Клуб нумизматов представился ему кладбищем, где мертвые люди торгуют мертвым товаром. Что-то помутилось у него в голове, осторожность и предусмотрительность показались бессмысленными, надоело бояться. Плохо осознавая, что делает, Георгий пошел по рядам, предлагая каждому из коллекционеров купить у него константиновский рубль. Он бросал монету на стол, решительно глядя в удивленные старческие лица: наплевать, на все наплевать, ничего не страшно.

Нумизматы глядели на него как на сумасшедшего, да он и был сумасшедшим.

— У меня семья, не могу найти работы, — скороговоркой произнесил Георгий ненужные слова, — возьму недорого, купите, пожалуйста, мне нужны деньги.

Эти люди хорошо представляли сколько стоит константиновский рубль, даже если он не из тех шести, что были отчеканены в 1825 году

Яковом Рейхелем, но вести разговор о продаже столь редкой монеты с психически ненормальным человеком было не только глупо, но и опасно, серьезные дела так не делаются. Никто из нумизматов на страстный призыв не откликнулся.

Георгий вышел на улицу, закурил и немного успокоился, он не жалел о том, что произошло, жить в страхе позорно. Курить теперь приходилось дешевые, с неприятным, режущим глаза дымом сигареты.

Его тронул за рукав старичок — божий одуванчик, один из нумизматов. Старичок протянул Георгию клочок бумаги со словами:

— Вот телефон. Позвоните этому человеку, быть может, он заинтересуется тем, что вы предлагаете. Но на меня, будьте добры, не ссылайтесь.

Георгий машинально ответил:

— Да, конечно, будьте уверены.

Старичок исчез, словно растворившись в воздухе. Георгий сунул клочок бумаги в карман, лишь придя домой посмотрел номер телефона, написанный неверной старческой рукой. Порядок цифр показался ему знакомым, чтобы не ошибиться, он достал записную книжку и проверил: это был телефон Ярослава.

В принципе, от этой новости ничего не менялось, лишь четче прогнозировались события, все же легче, когда знаешь, с кем придется иметь дело. Выходит, деньги у Ярослава есть, иначе как он собирается купить столь дорогую монету. Другой вопрос: зачем она ему понадобилась? Нумизматикой он никогда не интересовался, значит, решил реализовать свой план вложения денег? Или покупает не для себя, он лишь посредник? Настоящий покупатель — человек богатый, возможно, это мошенник или бандит, разве бывают богатыми честные люди?

Ярослав — мутный и довольно странный тип, которых в последнее время появилось немало, давнее их знакомство не сможет остановить его от участия в преступлении, время сейчас страшное, возможно все что угодно, даже от самых надежных, даже от известных тебе людей можно ожидать чего угодно. Могут элементарно ограбить, хорошо еще, если не убьют, заберут монету и все на этом кончится. Жаловаться можно будет сколько угодно, у таких людей все схвачено и куплено.

Конечно, можно не брать с собой константиновский рубль, договориться о новой встрече, но эти люди способны на что угодно, они могут похитить Дмитрия Георгиевича или Таню и потом заняться шантажом.

Мысли были ужасны, Георгий вспомнил давний совет Тани: выбросить проклятую монету и забыть о ней. Но теперь, когда он по своей глупости оповестил всех о том, что владеет этой монетой, выбрасывать ее бессмысленно, никто не поверит, что он это сделал. И Ярослав не поверит. Георгий видел в друге детства нечто определенно зловещее. Сюжеты жутких телесериалов взяты из жизни, бандиты пользуются ими как руководством к действию, существует порочная взаимосвязь искусства с жизнью и жизни с искусством.

Георгий понял, что своим отчаянным и удивительным по глупости поступком в клубе нумизматов загнал себя в ловушку, не позвонить

Ярославу теперь невозможно. Жизнь устроена жестоко и примитивно: можно совершить всего одну ошибку — и над твоей судьбой, и судьбой твоих близких нависнет страшная угроза. Друг детства и раньше ничего хорошего собой не представлял, а теперь мог превратиться в окончательного подлеца.

Таня уходила на работу рано утром, Георгий, плохо спавший ночами, валялся в постели до девяти часов, вставал, варил кашу Дмитрию Георгиевичу; мрачные мысли не оставляли его ни на секунду. Таня не могла не заметить его состояния, допытывалась в чем дело, но переложить тревогу и на ее плечи Георгий считал недопустимым. Он отвечал, и это было отчасти правдой: его угнетает то, что она работает и кормит семью, а он, мужчина, бездельничает. Он сидит с ребенком, а женщина зарабатывает деньги. Должно быть наоборот. Таня глядела с подозрением, но делала вид, что верит. Георгию казалось, что Таня видит его насквозь, он настолько привык к ней, что не мог представить на ее месте другого человека, это была уже не жена, это был он сам.

15.

Георгий нашел в столе советский юбилейный рубль, выпущенный к столетию Ленина. Монета была немного меньше диаметром, чем константиновский рубль, и весила меньше, но для затеи Георгия это значения не имело, едва ли Ярослав представляет, как выглядит раритет, тем более — легче он или тяжелее. Георгий долго разглядывал лобастый профиль вождя и нашел кое-что общее с профилем неудавшегося императора. Впрочем, и это не было важным.

Он долго крутил в руках две монеты, прикладывая их одну к другой.

— Ты фокус придумываешь? — поинтересовался Дмитрий Георгиевич, внимательно наблюдавший за отцом.

— Да, фокус, — усмехнулся Георгий. — Как из одной монеты сделать другую.

— Получится?

— Должно получиться, другого выхода нет.

Он долго не решался звонить Ярославу, продумывая предстоящую встречу, просчитывая варианты, даже маловероятные. Он позвонил ему днем, чтобы Таня не могла услышать разговор.

— Где встретимся и когда? — спросил Ярослав, не тратя времени на удивление, что владелец монеты его давний друг; он знал, что дед Георгия — известный нумизмат. — Монета будет с тобой?

— Ты что-то понимаешь в монетах? — удивился Георгий.

— Но это точно константиновский рубль? Тот самый?

— Где я мог взять другой?

— Я навел справки, расспросил людей. Ошибки не будет?

— Не переживай. Это тот самый рубль.

— Что ты скажешь о стоимости?

— Ярослав, очнись, по телефону такие вещи не обсуждают.

— Ну да. Конечно. Ты прав. Где тебе удобно встретиться? Только не дома. Ни у меня, ни у тебя.

— Мы должны быть наедине, — предупредил Георгий. — Никаких посторонних людей. Обещаешь?

— Да ты что, подозреваешь меня, что ли? Мы столько лет знакомы... Старый дебаркадер помнишь?

— Конечно.

— Давай днем, часа в три. Устроит?

— В пять. Мне надо дождаться жену с работы, я ведь с ребенком сижу.

— Сын?

— Да. Дмитрий Георгиевич. Очень хороший человек. Шесть лет будет в этом году.

— Что ж, давай встретимся в пять. Так помнишь, где дебаркадер?

— Ну а как же. Мы рядом с ним купались в реке лет сто назад.

Давно не снилась бабушка и вдруг приснилась: Георгий куда-то торопился и все же решил зайти к ней. У подъезда стояла Зинаида Петровна с первого этажа, она попросила:

— Напомните Вере Николаевне, что мы договорились погулять в сквере, я ее жду.

Георгий удивился просьбе, зная, что Вера Николаевна и Зинаида Петровна в ссоре, но, ничего не ответив, поднялся на второй этаж. Дверь в бабушкину квартиру была не заперта, Георгий вошел и увидел, что там все по-прежнему: портрет молодой Веры Николаевны на стене, фотография Аврелия Николаевича в офицерском мундире на этажерке, небольшое сооружение, наподобие комода, для хранения коллекции монет Аврелия Николаевича, называемое мюнцкабинет. Старое продавленное кресло, в котором обычно сидела бабушка, было пустым, и это Георгия не удивило, ведь бабушка умерла. Он вспомнил, зачем пришел, взял со стола стаканчик с карандашами, внутри которого лежал константиновский рубль, и направился к выходу, но, открыв дверь, увидел, что лестничной площадки и пролетов нет, они обрушены до первого этажа и спуститься невозможно.

В этот момент бабушка его окликнула:

— Жорик! — ошибиться было невозможно, только она звала его так.

Он обернулся: квартира по-прежнему пуста.

Георгий так и не смог вспомнить, когда в последний раз поднимался по железной лестнице с шаткими перилами на старый дебаркадер, лет двадцать, наверное, назад. Ярослава еще не было. Георгий закурил, опершись локтями о перила, глядя в мутную речную воду, в которую, как и прежде, сливалась какая-то гадость с близлежащего завода.

Думал Георгий вот о чем: если жизнь — соревнование, наподобие забега на длинную дистанцию, то почему кто-то бежит по установленным правилам, а для кого-то существуют послабления. Вот как, к примеру, сдавал Ярослав экзамен по истории при поступлении в институт? Он сам рассказал об этом Георгию.

Плохо зная ответы на вопросы в билете, Ярослав крутился во все стороны, расспрашивая соседей. Преподаватель сделал ему замечание:

— Молодой человек, что вы суетитесь, будто куда-то опаздываете? Ярослав не придумал ничего лучшего, чем ответить дерзостью, которой потом гордился:

— В кинотеатре сеанс в два часа, боюсь не успеть.

Он получил двойку и ушел домой. Через час позвонил отец:

— Слава, поезжай в институт, тебе четверку поставили, нужно сделать отметку в экзаменационном листе.

В институт Ярослав не поехал, но его все равно приняли. И этот человек теперь преподает что-то студентам, сеет «разумное, доброе, вечное».

Ярослав опоздал минут на двадцать, он располнел еще больше, жир со всех сторон переваливался через ремень джинсов, грудь выпирала из рубашки, как у женщины, подбородок стал то ли двойным, то ли тройным. Прежним остался лишь лениво-покровительственный блеск голубоватых глаз.

— Давай сразу к делу, времени мало, — сказал он, энергично пожимая Георгию руку, — объясню ситуацию, чтобы ты понял. Я собрался на постоянное место жительства за границу, в России делать нечего, ты сам это видишь, что в этой заднице находится уже невыносимо, здесь можно только умирать. И раньше ничего хорошего не было, а теперь — совсем. Я решил собрать ряд ценных вещей, которые можно было бы без проблем провезти через таможню и за границей продать. Вещи должны быть дорогостоящими и компактными, монеты как раз годятся. Ты так активно предлагал рубль в клубе. С деньгами плохо?

— А у кого сейчас хорошо с деньгами?

— Тот, кто умный, у того хорошо. Сколько ты просишь за монетку?

— Алексей Вячеславович, был такой в городе нумизмат, теперь, наверное, умер, оценил ее пять лет назад вот в такую сумму.

Георгий достал из кармана заранее приготовленный листок с написанной на нем цифрой, показал его Ярославу, сразу же порвал и выбросил клочки за борт, в воду.

Ярослав некоторое время молчал, потом сказал, глядя в сторону, на другой берег реки:

— Видишь ли, у меня сейчас таких денег нет. Я могу выплатить задаток, остальное вышлю потом, когда продам монету за границей.

— Меня такой вариант не устраивает.

— Почему?

— Нет гарантии, что ты не обманешь.

— Ну, я дам расписку. Мне очень нужна эта монета.

— Твою расписку в магазине не примут.

Повисло молчание, которое совершенно не понравилось Георгию, ему захотелось оглянуться, возникло чувство, что за спиной кто-то есть. Это мог быть один из самых худших вариантов, но Георгий и его предусмотрел.

— Мне очень нужна эта монета, — повторил Ярослав твердым голосом, даже с какой-то затаенной угрозой, словно давая понять, что другого выхода у Георгия нет, он должен соглашаться.

Георгий достал из кармана монету.

— Вот он, константиновский рубль. Видишь? А вот его нет!

Размахнулся и бросил монету далеко в воду. Перевернувшись несколько раз в воздухе, она упала плоско, взметнув скупой фонтанчик брызг. В ту же секунду страшный удар обрушился на затылок Георгия.

В воде он на мгновение очнулся, мелькнуло перед глазами восторженное лицо сына, Таня, сидящая за накрытым к обеду столом в их квартире в поселке Носовое, потом — короткая мысль: «Вот и все».

16.

С тех пор прошло двадцать лет, Дмитрий Георгиевич вырос, выучился на программиста, хорошо зарабатывает, и его мать, Татьяна Васильевна, смогла наконец бросить надоевшую ей работу бухгалтера. Константиновский рубль так и лежит в стаканчике с карандашами, он не пригодился, о нем забыли.

